

Диана ИБРАГИМОВА
МЕНЯЮЩИЙ ЛИЦА
Хроники Хэлдвейна

16+

@ЭЛИТА

Диана Ибрагимова

Меняющий лица
(Хроники Хэлдвейна)

Электронное издательство "Аэлита"

2016

Ибрагимова Д.

Меняющий лица (Хроники Хэлдвейна) / Д. Ибрагимова —
Электронное издательство "Аэлита", 2016

Сын королевского советника – молодой маг Зенфред, обучаясь вдали от дома, узнаёт, что его отца объявили предателем и сожгли вместе с матерью, а от самого юноши скрывали вид магии, говоря, что он бездарен. Он клянётся отомстить за семью и раскрыть заговор, но впереди церемониальная казнь, а единственный пытавшийся помочь друг убит. Сможет ли юноша с клеймом изменника избежать смерти и пройти путь от гнилого карцера до королевского трона, и какую плату потребует открытая им магия?

© Ибрагимова Д., 2016
© Электронное издательство
"Аэлита", 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Диана Ибрагимова

Меняющий лица

Глава 1

Огонь факела освещал низкие каменные своды и решётки по обеим сторонам коридора. Пахло сыростью, плесенью. Звук шагов обрастал гулким эхом, и Аринду казалось, что кто-то шёл следом. Он обернулся, боясь увидеть учителя или работников, но пламя выхватило только пробежавшую по луже крысу и неровную кладку арочного проёма.

Эта часть подземелья давно пустовала. Только двое в Северной тюрьме знали о скрытой в ней тайне, и сейчас Аринду не хотелось видеть даже учителя. Он остановился у последней двери и принялся искать в увесистой связке ключ.

– Кто здесь? – послышался из карцера тихий голос.

Звякнули цепи, зашуршала прелая солома, пленник ухватился за бурые прутья забранного решёткой окошка и прищурился, разглядывая Аринда.

– Ты, что ли, Мертвяков сын? Еды принёс? Наконец-то! У меня скоро брюхо к спине прилипнет!

Аринд отпер дверь и вошёл. В нос ударил резкий запах мочи и немытого тела. В темноте не сразу удалось разглядеть сидевшего на подстилке мальчишку. Холодный мрак выбелил его кожу, а голод истощил тело и заострил скулы, оставив на месте румяных щёк впадины. Прежним остался только взгляд Летфена – живой и участливый.

– Чего припёрся с пустыми руками? Думал, я твоей страшной роже обрадуюсь? – Мальчишка вздохнул с укором, но тут же повеселел. – Так и быть, заходи в мои покои. Совру, если скажу, что не рад тебя видеть.

Грязные кудряшки рыжих волос скрывали внимательные глаза Летфена и черневшее на шее клеймо. Он поджал под себя ноги и скрестил руки на груди, готовясь травить байки, но Аринд пришёл не за этим. Он осторожно вынул из кармана два флакона, и, откупорив, один за другим протянул Летфену.

– Опять?! – вспыхнул тот. – Это старик тебя прислал? А ты ему передай, что я хлеба просил. Понимаешь? Хле-ба! Сколько ещё я должен глотать эту гадость?

– Выпей, – сказал Аринд тихо, но твёрдо.

Летфен вздохнул, однако противиться не стал.

– И что теперь? – спросил он, морщась и утирая рот с засохшей в уголках чернотой. – Где колдун?

– Придёт завтра. Не говори ему, что я тут был.

– Ох, ты! – Летфен оживился. – Решил на мне опыты свои тайком проводить?

Аринд вынул нож, и пленник шарахнулся к стене, съёжившись под тяжёлым взглядом.

– Ладно тебе! – Он выставил руки в защитном жесте. – Не надо так смотреть, будто язык мне отрезать собрался!

Аринд вышел за дверь и задвинул дубовый засов. Беспокойство не отступало, но даже если мальчишка решит проболтаться, учитель наверняка ему не поверит. В последнее время у Летфена случались видения, он слышал голоса и часто говорил сам с собой. Саор ни за что не примет его бредни за чистую монету.

До Летфена были крепкие мужчины и женщины, бывалые убийцы и обыкновенные карманники, но все они погибали, не выдержав и нескольких недель. Аринд помнил каждого. Воспоминания вьелись в память и не исчезали, только бледнели со временем.

Летфена учитель выкупил со светочного рудника в нескольких днях пути от Северной тюрьмы и вот уже почти год держал в здешних стенах. Мальчишка не зачах в сырости подземелья, выдержал все яды, а главное – сохранил словоохотливость и рассказывал выдуманные истории так, будто сам был героем всех приключений.

Аринд привык к грязной ругани, рыданиям и молитвам прежних пленников. Тем удивительнее было, что мальчишка не проронил за время заключения ни слезинки и оставался весёлым. Каждый день, принося ему еду, Аринд невольно задерживался у карцера – послушать байки о бродячих бардах, магах и принцессах. Ни в скудных рассказах отца, ни в учительских книгах об ядовитых растениях и алхимии не встречалось ничего подобного. Верхний мир манил, но пугал, и прикоснуться к нему, не выбираясь на поверхность, – лучшее, чего Аринд мог желать.

Отец начал брать его на работу лет десять назад. В тот самый год, когда умерла старуха-знахарка, у которой мать Аринда жила после того, как сбежала из деревни. Она была слаба на голову и, узнав, что муж в прошлом зарабатывал на жизнь убийствами, посчитала ребёнка демоновым отродьем и прятала от людей в подполе. Аринд почти не помнил её лица, только шёпот, когда мать вставала на колени и разговаривала с ним через щели между половицами. Она закололась на другой день после смерти старухи. Мальчика нашла жившая в том же селе тётка, пришедшая, чтобы обмыть тело. Она тайком отвела его к отцу, зная не знавшему о сыне: когда мать сбежала, у неё ещё не было живота. Редорф жил отшельником в лесу, и это спасло Аринда. Из-за матери он не получил обязательной печати, и мог умереть после первой же проверки.

Саор начал приглядывать за ним с их первой встречи. Он обучил Аринда грамоте и ядоварению, научил разбираться в травах и картах и постепенно сделал своим помощником.

– Эй, Мертвяков сын, останься! Историю расскажу! – Летфен снова вцепился в прутья окошка. – Я уж устал клопов тут давить.

Аринд развернулся и зашагал прочь. Сегодняшняя история должна была стать последней: утром мальчишку ожидала казнь.

На обратном пути Аринд прихватил кое-каких кореньев и поспешил в лабораторию, откуда уже доносился удушливый запах горелого. Саор – сухонький старик, древний и сморщенный, как высохшее яблоко, помешивал в котелке варево.

– Где тебя носило? – забрюзжал он, заметив ученика. – Я тебя на тот свет посылал?

Аринд разложил принесённое на столе и подошёл к учителю.

– Тьфу ты, – раздражённо сплюнул тот, снимая очки и протирая стёкла уголком заляпанного фартука, – я что-то напутал. Наверное, неправильно прочёл рецепт. А всё потому, что тебя носит невесть где! Опять торчал у клеток с элигросами?

Аринд не ответил и торопливо принялся за работу.

В подземной лаборатории было светло и просторно. Дальнюю стену закрывал выцветший гобелен с изображением алхимического таинства. Всюду крепились полки, заполненные флаконами, склянками и колбами. То тут, то там свисали с потолка пучки сушёных трав. На столе, среди кипы листков, примостилась статуэтка мужчины со ступкой и змеёй в руке – символом чёрных травников. Учитель страшно злился и оскорблялся, если кто-то называл его ядоваром.

– Этот старый дурак Бульмун давеча прислал мне письмо. – Саор стоял позади ученика, заложив руки за спину, и наблюдал, как тот вычищает котелок. – Ты помнишь Бульмуна? Он недавно стал королевским лекарем. У него теперь каждый конверт раздувается от бахвальства, а за пузом уже и ног не видать.

Аринд кивнул, не отвлекаясь от дела.

– Что за наглость! Я заучивал от корки до корки учёные книги, когда этот остолоп ещё пешком под стол ходил, а теперь он пишет, как ему жаль, что я не выбился в люди! Да узнай Майернс, какую штуку я изобрёл, всех королевских травников и алхимиков вышвырнули бы

со двора как поганных собак! Я хоть сейчас могу отправить письмо и предоставить для доказательства мальчишку. Какого будет Бульмуну, когда он узнает, что моё лекарство вызывает привыкание к любому яду?

Саор ходил из стороны в сторону. Он часто повторял, что не ищет ни славы, ни денег, но на деле его останавливало несовершенство лекарства. Из всех подопытных выжил только Летфен. Один мальчишка за долгих десять лет – плохой результат.

– Из-за этого выскочки я того гляди разум потеряю, – устало выдохнул Саор. – Сейчас не об этом надо волноваться. Проверка через два дня. Не для того я столько лет прозябал в этой плесневелой дыре. Если б хотел – давно трудился бы при дворе, травил неугодных королю слуг и спал на пуховых перинах, но моё изобретение не для Майернса и не для кучки богатых обормотов, которые станут вытирать об меня ноги. Мальчишку накорми хорошенько, яд для него я уже сделал.

– Из мантекоры?

– Ясное дело, из мантекоры! Чем ты слушал, когда я вчера объяснял тебе рецепт?

Аринд промолчал, перечисляя в уме ингредиенты. Их он запомнил лучше, чем свои пять пальцев, но Саору об этом знать не следовало.

Северная тюрьма, где Аринд работал вместе с отцом и учителем, считалась венцом причуд короля Майернса. Слухи о ней ходили один мрачнее другого, а от работников шарахались, как от прокажённых. Саор говорил, что правитель помешался на отравках, когда его единственного сына отравили редким ядом, вызвавшим смертельную болезнь.

С тех пор Майернс поклялся опережать врагов. Новые рецепты и противоядия, за которые чёрным травникам платили золотом, испытывались на смертниках Северной тюрьмы, возведённой на острове Энсердар, полвека назад. Этот отвоёванный у язычников клочок суши славился залежами светочной породы, и рудникам требовалась дармовая рабочая сила, потому год за годом сюда свозили преступный сброд со всех уголков королевства.

Саор – человек ясного ума, но трудного нрава, перебрался на остров после ухода с должности главного алхимика из-за большого скандала, вспоминать о котором не любил. С тех пор его разумом завладели мысли о веществах и лекарствах, которых в природе не существовало, но одно дело проводить испытания на крысах, и совсем другое – на людях. Так, в поисках укромного места и подопытных, за которых не терзала бы совесть, он стал работать в тюрьме.

Дни сменялись годами, неудачи копились, и к тому времени, когда появился Летфен, Саор охладел к собственной затее. Известие о королевской проверке только подхлестнуло его неуверенность, и хотя Аринд знал множество способов укрыть мальчишку, учитель решил избавиться от него, едва прочёл приказ.

* * *

– Рано ты, – мрачно заметил Саор, когда Аринд, стараясь сохранять обычный вид, вошёл в лабораторию.

Учитель явно был не в духе, такое случалось с ним в те дни, когда он лишался заключённых, на которых испытывал лекарство.

– Что ты встал на пороге? Возьми бумаги и иди записывать, мне некогда. Проверка скоро, а этот болван Орхин опять что-то напутал в архиве.

Аринд взял из рук учителя несколько листов желтоватой бумаги и пишущий кристалл. Саор прекрасно знал, какую реакцию вызовет споенный мальчишке яд, ему не было смысла осматривать тело. Аринду же предстояла грязная, но привычная работа. Сначала требовалось сделать записи о смертях, потом вытащить мертвяков на поверхность и закопать в заранее приготовленные ямы.

Телега для вывоза Летфена ждала своего часа ещё со вчерашнего вечера. Аринд накидал поверх грубо сбитых досок найденные на складах мешки и солому, кинул внутрь котомку с едой и горсткой монет.

На этот раз, остановившись у знакомой камеры, он не услышал ни бормотания, ни приветствия. Гнетущая тишина сдавила виски. Аринд сдвинул засов и распахнул дверь. Летфен лежал на подстилке, съёжившись и прижав руки к груди. Его измученное посеревшее лицо казалось вылепленным из глины. Светочный камень выпал из ладони и покатился, бросая блики на лужи и влажную кладку стен.

– Мёртв, – выдохнул Аринд.

– Кто мёртв? – послышался испуганный шёпот Летфена.

К тому времени, когда поднятый камень вновь вырвал из темноты внутренности карцера, мальчишка уже сидел. Аринд удивлённо уставился на него, а потом понял, что тело выглядело таким бледным из-за белого света, который прежде заменял факельный. Он готов был рассмеяться собственной глупости.

Саор и представить не мог, что ученик сумел повторить рецепт лекарства и заранее сполпил его мальчишке вместе с ядом из мантекоры. Летфен выглядел вполне обычно, и тревожное волнение ненадолго стихло.

– О! Каменная рожа! Ты чего это дверь нараспашку? Заходи скорее, а то сквозняк.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Аринд.

– Он ещё спрашивает! – возмутился Летфен. – Да у меня зад такой плоский, что сидеть уже больно! Ты когда мне еды принесёшь?

– Тебя тошнило вчера?

– Нет, а ты лучше отойди, раз мутит, нечего мне пол пачкать. От меня смердит, как от недельного трупа, даже крысы стороной оббегают, а то я бы парочку прямо со шкурками съел.

Аринд не без отвращения присел рядом с Летфеном и принялся осматривать его. Вены не вздулись, черноты на руках было не больше, чем обычно.

– Да убери ты этот проклятый фонарь, я так без глаз останусь! Ты меня слышал вообще? Есть хочу! Есть! И пить!

– Угомонись, скоро накормлю.

За время работы в тюрьме Аринд многих проводил в последний путь. Он копал могилы и засыпал тела землёй, спаивал яды смертникам и делал записи, наблюдая за их мучениями. Он помнил каждого и не хотел, чтобы Летфена постигла такая же участь. Отец часто говорил, что привязанность – худшая из людских слабостей, и учил сына доверять только самому себе. До какого-то времени так всё и было. Люди прибывали в Северную тюрьму под конвоем и, проведя в сырых стенах подземелья пару недель, отправлялись в общие могилы. Аринд лишь наблюдал за ними и выполнял свою работу. Его не трогали ни слёзы, ни мольбы о помощи, не пугали злобные взгляды и проклятия. Те, кто оказался за решёткой, были для него уже мертвы.

Первое время после появления в тюрьме Летфена Аринд испытывал невероятное раздражение от болтовни, но потом привык и стал получать удовольствие от его рассказов. Мальчишка тараторил без умолку, стоило только подойти к двери, и радовался Аринду, будто закадычному другу. Пустая камера – единственное, что не устраивало Летфена. Казалось, даже труп мальчишки продолжит открывать рот по дороге на кладбище.

Аринд дал пленнику напиться, а потом заставил вдохнуть сонного порошка. Летфен будто состоял из воздуха, такой он был лёгкий. Аринд положил его в телегу, накрыл плотной тканью и повёз наружу как всамделишный труп.

Пропахший плесенью пустынный коридор упирался в лестницу. Было холодно, но ладони вспотели от волнения. Аринд подложил под колёса доски и вытолкнул телегу на поверхность. Комната казней, откуда обыкновенно вывозили трупы, находилась за внутренним двориком, захламлённым телегами и носилками. Эти мрачные стены хранили память о днях, когда в воз-

духе витали предсмертные крики, а камни мощения впитывали кровь отрубленных голов и испражнения висельников. Со временем всё заменили яды, и отца перевели из палача в смотрители.

Утренний свет, лившийся из небольших окошек в потолке, становился ярче, но часть скамеек и пыточных стульев до сих пор терялась в сумраке. Аринд повернул тяжёлый отцовский ключ в замке и вытащил телегу на тюремные задворки.

Под колёсами ломалась натянутая за ночь корочка льда, хрустела трава, одетая в бахрому поблёскивавшего инея. Аринд плотнее запахнул полы плаща и поёжился. На фоне хмурого неба темнел шпиль донжона и смотровые вышки. За спиной возвышалась каменная стена, опоясывавшая многочисленные постройки и внутренний двор.

Летфен очухался, когда они уже достаточно отделились от тюрьмы и миновали кладбище.

– Эй, Мертвяков сын, это ты? – спросил он испуганно, пытаясь стянуть с глаз повязку.

– Не трогай, ослепнешь.

– Где я? Где? – зашептал Летфен, ловя губами морозный воздух.

Наконец, Аринд развязал его и дал привыкнуть к свету. Мальчишка впервые за долгое время увидел серый полог облаков и высокие сосны. Золотистые стволы уносились в небо и лишь у самого верха, где им доставало солнца, рассыпались густыми шапками веток, походившими на гнёзда огромных птиц.

– Сначала выпьешь это, – сказал Аринд, протянув Летфену флакон с мутной жидкостью. – Это сыворотка для желудка, чтобы ты смог есть, а то умрёшь с непривычки.

– Какой дурак от еды умирает? – удивился Летфен, протирая слезящиеся глаза. – Ладно бы от голода! – Он вдруг потянулся к Аринду и схватил его за руку, тут же отпустил и расхохотался. – Ох, Мертвяков сын, какой же ты белый! Как мукой обсыпанный! Ладно, хоть тёплый, а то я уж думал, что колдун тебя из могилы вытащил и зельями своими ходить заставил.

Аринд, привыкший видеть во всяком резком движении опасность, порядком струхнул. Он отстранился, вынул из внутреннего кармана лист и развернул его. Летфен шмыгнул и почесал затылок.

– Ты говорил, что тебя карты понимать научили. Не врал? – спросил Аринд.

– С чего мне врать? – обиделся мальчишка. – Меня брат учил, он у нас в деревне главный грамотей! А потом Шастен учил, он весь остров знает, у него везде берлоги есть. Это что за река? Дрена?

– Нет, это Салхва. А мы вот здесь, у подножия Арильского леса. Дальше на восток – Прант, а вот тут рудники.

Летфен долго хмурился, кутаясь в шерстяной плащ, и наконец выдал:

– Рисовать ты мастер! Значит, если в лесах не заблудимся, доберёмся до Эдоса, он как раз в горах с той стороны, где солнце всходит.

Аринд недоумённо посмотрел на место, в которое указал Летфен, там не было ни селений, ни рек, только скалы.

– Что ещё за Эдос?

– Городок на месте старых шахт. Он в скале, так сразу и не найдёшь. Раньше там добывали руду, и осталось много пустот, вот беглецы и начали в этих местах от зверья прятаться, а через какое-то время и селение появилось. Я туда случайно попал, когда ещё был в шайке Скэлла.

– Так ты не врал?

– Ну и странный же ты! Решил со мной от колдуна сбежать, а сам до сих пор мне не веришь?

Аринд вздохнул с облегчением, бросил мальчишке котомку с едой и покатил телегу прочь. Летфен проводил спасителя удивлённым взглядом, потом будто очнулся и крикнул вслед:

– Как звать тебя хоть скажи! До гроба ведь вспоминать буду!

Ответом ему была тишина.

* * *

Через несколько дней отец вместе с остальными работниками отправился приветствовать поверяющих. Аринду велено было не высовываться из подземелья и ждать внизу. Скоро послышался звук шагов, Аринд отошёл от лестничного проёма и прислушался. Годы, проведённые в материнском подвале и лесной глуши, обострили слух, и он без труда мог разобрать суть беседы.

– Что-то ты постарел, Редорф, – послышался чей-то смешливый шёпот.

– А ты всё кремами своими красоту наводишь! – тихо, с ноткой укоризны заметил отец. – Сколько у вас, женщин, денег на это уходит? Как была девчонкой, так и осталась. Раньше мне в сёстры годилась, а теперь уж в пору дочерью называть.

– Да ладно тебе, старикан! – хохотнула его спутница. – Мне теперь по статусу стареть не положено. Я ведь как-никак советница короля!

– Ох, ты ж! Нашла тёплое местечко! Давно ли ты в шайке клеймёных прозябала? Я-то думал, косточки твои уж истлели давно.

– Я тогда выбралась и к нашим вернулась, а ты так и не появился, это мне надо твоей живости удивляться.

– За мной охота была. Я долго по лесам скрывался, а как всё немного поутихло, перебрался сюда, на окраину. Знакомый помог устроиться в эту самую тюрьму. Раньше палачом тут был, теперь смотрителем работаю. А как же ты среди проверяющих оказалась, Сана?

– По приказу, как же ещё. Думаешь, мне нравится по тюрьмам разъезжать? А отказаться нельзя, спорить с Майернсом себе дороже.

– Ты всегда умела людьми крутить и речи вовремя подслащивать. Пойдём, я тебя с сыном познакомлю.

– Неужто ты дитём обзавёлся? Сам ведь всю жизнь женитьбу клял. Совсем с тобой неладное творится, постарел, хватку потерял, а, Дорф?

– Раньше сил хватало, здоров был, а теперь я уж не тот. Ногу вот повредил, да так и не срослась правильно, доживаю век хромой клячей, а сын – хорошее подспорье. Правда, странноватый он у меня. Мать его на голову была дурная.

– А сколько ему лет?

– Семнадцатый пошёл.

Голоса затихли, и вслед за Редорфом из проёма выпорхнула молодая светловолосая женщина. Полы синего плаща чуть развевались от лёгких шагов, показывая белую рубашку и зауженные штаны. Сана прикрывала нос узорчатым платком и не переставала возмущаться.

– Ужасный запах, как этим дышать?

– А ты думала – цветочные сады? – усмехнулся отец. – Это ещё ничего, вычистили всё перед гостями.

– Дорф, это и есть твой сын? – прощепетала Сана, с удивлением разглядывая Аринда. – Какой хорошенький! А кожа-то – чистый фарфор!

Оценивающий взгляд заставил Аринда внутренне сжаться, он молча склонил голову в знак приветствия и вопросительно уставился на отца.

– Имей совесть, Эсанора! – нахмурился Редорф. – Сорок лет уже, а всё как дитё малое.

– Не надо про возраст напоминать! – вспыхнула Сана. – Больше двадцати мне всё равно не дашь!

– Ну хоть так, – кивнул отец. – Соответствуешь поведению.

Сана шуточно хлопнула его по спине. Она кое-как свыклась с вонью и, недовольно морщась, спрятала платок во внутренний карман.

– Проводить тебя к камерам? – поинтересовался Редорф. – Пойдём, посмотришь на трупы, вдохнёшь местные ароматы полной грудью. Тебе положено знать все причуды короля, начиная от травли ядами и заканчивая Тихой зоной, где с ума от молчания сходят.

– Нет уж, этим пусть остальные займутся, – брезгливо отмахнулась советница. – Мне нужно в архив заглянуть – сверить записи за последние два года. Всё-таки не часто в этих местах бываем.

– Аринд тебя проводит. – Редорф положил руку ему на плечо. – А я пойду в западное крыло, может, подсоблю чем.

Сана отвела отца в сторону и, приблизившись к самому уху, прошептала, что будет ждать в закуской «У Араля» после проверки. Редорф одобрительно хмыкнул. Он разговаривал с проверяющей как с давней знакомой, но от этого Аринду не становилось спокойней. Напротив, каждая минута усиливала напряжение. Оставшись с Эсанорой наедине, он окончательно растерялся.

– Выходит, ты мой сопровождающий, – ласково улыбнулась советница.

Миндалевидные глаза с длинными ресницами отливали золотом, блики светочей наполняли их сиянием жидкого янтаря. Эсанора олицетворяла собой воплощение баллад Летфена о прекрасных нимфах и принцессах, но в ней проглядывалось что-то неуловимо напоминавшее образ матери, до сих пор являвшийся Аринду в кошмарах.

– Не спеши так! – потребовала Сана, когда он быстрым шагом направился к лестнице. – Я могу споткнуться.

Тёплая ладонь схватила Аринда под руку. Советница улыбалась, хитро поглядывая на спутника. Она, должно быть, хотела разглядеть в нём смущение, но Аринд только нервно кусал губы.

Оказавшись в архиве, Сана то и дело убирала за ухо волнистые пряди и сосредоточенным взглядом скользила по строчкам, сверяя написанное и делая пометки в записной книжке. Орхин заискивал перед ней и так и эдак, приглаживал жиденькие волосы, закрывавшие часть лысины, и бегал между полками с небывалой резвостью, а Аринд стоял в сторонке и пытался понять, что его так насторожило.

В тот же вечер отец отправился в закускую «У Араля», но домой так и не вернулся.

Глава 2

Зенфред пробрался через заросли папоротника и, рухнув на колени, окунул лицо в студёную воду ручья. Утолив жажду, он прислонился к широкому стволу, облепленному у основания мхом, и закрыл глаза, вслушиваясь в частое хриплое дыхание. Ноги дрожали, а сердце билось с такой частотой, словно хотело разом совершить все отмеренные жизнью удары.

– Где же прячется наш поросёночек? – послышался вдалеке голос Факела. – Выходи, свинка, я ещё не весь жир из тебя вытопил! Поищите с той стороны, этот тюфяк не мог далеко уйти!

Завеса густого кустарника, перемежавшаяся с лесной порослью, скрывала Зенфреда от взоров преследователей, но оставаться здесь надолго было нельзя.

– Магистр огорчится, если я не добуду на ужин кабана. Выходи, свинка, я тебя вижу!

Факел врал, иначе давно нашёл бы беглеца с помощью внутреннего зрения, но ни он, ни другие адепты не развивали эту магическую особенность так усердно, как делал это Зенфред. Внутреннее зрение или созерцание – низший навык, которым адепты Академии овладевали в первые годы обучения, оказался его единственной способностью и был отточен до совершенства.

Зенфред сосредоточился. На миг всё окутала непроницаемая темнота, но уже через несколько мгновений в груди начало медленно разрастаться свечение Источника – ослепительно-белого сгустка энергии, вокруг которого нет-нет и вспыхивали искры. Вдалеке показались другие, напоминавшие зияющие просветы на проткнутой шилом чёрной ткани. Они приближались, как летящие из ночного мрака снежинки, и Зенфреда прошиб холодный пот.

Он заставил себя подняться и побежал прочь от преследователей, с трудом перелезая через поваленные деревья и задыхаясь от усталости. Шутки учеников и раньше бывали жестокими, но на этот раз Факел чуть не лишил его головы. Этот белобрысый паршивец готов был жечь всё, до чего дотягивался Источник.

Зенфред не знал настоящего имени Факела, только прозвище, которое тот завоевал на поединках стихийных магов. Академия на десять лет отнимала у адептов имена и титулы и держала их в строжайшем секрете до самого выпуска. Здесь не было ни наследников лордов и королей, ни отпрысков высшего духовенства и сыновей купцов, которым хватило золота для оплаты обучения. Раскрытие имени и рода каралось позорным исключением, потому ученики могли завоевать уважение только силой и умелым владением магией. Каждый в Академии был сам за себя, сильнейших не порицали за издевательство над слабыми – это считалось их правом и наказанием для неумёх вроде Зенфреда. Таких, как он, запрещалось разве что убивать.

Факел раньше остальных научился управлять потоками внутренней энергии, нагревать воздух и высекать первые искры. Два года назад ему открыли третий сдерживавший силу канал. Он быстро вышел из разряда низших огненных магов, носивших общую кличку Коптильников и Лучинников, и теперь вёл себя словно король. Среди своих Факела в шутку именовали Светочем. Он и в самом деле выглядел так, будто был высечен из светочного камня, которым в богатых домах и замках заменяли свечи и масляные фонари. Зенфред, выросший на северном острове, сравнивал белизну его волос и кожи со снегом, которого в этих землях не видели со времён первых магов.

– Вот он! Я нашёл его!

Послышался топот копыт, и сквозь стену зарослей прорвалась четвёрка всадников в красных плащах. Сердце ёкнуло, рухнуло в пятки. Оказавшись в поле созерцания преследователей, Зенфред ощутил страх пойманного охотником животного. Для Факела он был дичью, желанной добычей, ради которой белобрысый мог загнать лошадь до белой пены.

Зенфред стоял как вкопанный и с отчаяньем ждал приближения мучителей. Он не владел магией, и ему нечего было противопоставить Факелу. На втором году обучения слова Верховного магистра о том, что его слабый Источник способен только на созерцание, звучали сродни приговору. После этого Зенфред лишился уважения адептов и всякой надежды оправдать ожидания родных. Он до сих пор не мог понять, почему Верховный не отослал его домой. Должно быть, причина крылась в отце – первом советнике короля, которому стареющий правитель, не оставивший после себя даже бастарда, намеревался передать власть. Имя Ханвиса Райелда внушало уважение и страх, но его наследник, слабый телом и духом, подходил на роль самодержца не больше, чем иной конюх.

– А вот и наш лакомый кусочек! – присвистнул подъехавший вплотную Факел. – Может, стоит соорудить для свинки жаровню?

– Что толку гоняться за кабанами, если и куска мяса в рот не попадёт? – фыркнул высокий темноволосый адепт, длинный и тощий, как жердь. – Ради того, чтобы эта свинья набила себе брюхо?

У него был землистый цвет лица и впалые щёки – последствия жёсткой диеты перед открытием очередного канала, усиливавшего магию. Подготовка к открытию длилась два или три месяца. В это время адептам дозволялось есть только хлеб и пить вместо воды особые отвары, от которых, как рассказывали, поначалу бедняг рвало целыми сутками. Зенфреда подобное не касалось, он мог есть, сколько хотел, и трапеза была для него своеобразным утешением. Теперь же он жалел о каждом лишнем съеденном куске.

– Я слышал, что язычники на Энсердаре питаются человечинной. Там одни камни, а земля белая от соли, и нет ни полей, ни пастбищ. Они откармливают сородичей, а потом забивают их и едят. Может, и нам попробовать? – В глазах Факела сверкнул огонёк азарта.

Язычники на Энсердаре не ели людей. Во всяком случае, Зенфред ничего об этом не слышал. Он провёл на острове большую часть детства и помнил хлебные поля, возвращённые скудной почвой; отары овец, пасшихся в низинах у южных гор и крупных рыбин, завёрнутых в пахучие листья водорослей. Их приносили в замок рыбачившие на побережье крестьянские мальчишки и получали медные монеты за свой улов. Выросшему на материке Факелу это, конечно, было неведомо.

Зенфреда окружили с четырёх сторон, продолжая хохотать и подтрунивая над ним.

– Как вам недавняя тренировка? – продолжил Факел.

– От чучела и пыли не осталось, – гордо заметил постоянно шмыгавший носом рыжеволосый адепт.

– Старший сказал, что кости в таком пламени превращаются в пепел за минуту! – вдохновлённо выдал Факел. – Что, если наша свинка ушла за хворостом и потерялась? Папаша-мясник, наверное, расстроится, когда ему пришлют жаркое из сыночка. Или твой папочка свинопас?

От страха Зенфред не мог ни пошевелиться, ни закричать. Он был точно безмолвная соломенная кукла, каких использовали для оттачивания магических техник. Только когда адепты, подначиваемые Факелом, решились на жестокое завершение шутки, и вокруг Зенфреда полыхнули огненные стены, он вздрогнул, отшатнулся и истошно закричал. Пламя ринулось со всех сторон, Зенфред упал на колени и закрыл лицо руками. Оранжевые языки уже лизали одежду и волосы, но жара не чувствовалось. Зенфред открыл глаза и понял, что огненный кокон – всего лишь иллюзия, предназначенная для запугивания.

Факел и его прихвостни хохотали так, что едва не выпали из сёдел. Зенфред всхлипнул, чувствуя, как по лицу катятся крупные слёзы и капли пота, а тело трясёт мелкой дрожью.

– Вы только поглядите на него! – Факел смахнул с раскрасневшегося лица прядь белых волос и ткнул пальцем в Зенфреда. – Да он же обмочился!

Зенфред только теперь почувствовал под собой мокрую ткань и увидел пятно между ног. Он разрыдался от обиды и унижения, а четвёрка храбрых огненных магов, вдоволь насмеявшись, скрылась за деревьями в поисках настоящего кабана.

Зенфред пошёл обратно к ручью, как мог, отстирал штаны и повесил сушиться на ветку того самого дерева, возле которого недавно прятался. Он просидел там до темноты, пропустив полдник и ужин, и вернулся, когда Академия уже светилась жёлтыми глазницами окон. Наверняка все узнали о его позоре, и даже Вельмунт – внук библиотекаря и единственный друг Зенфреда, больше не взглянет на него с уважением, а будет обходить стороной.

В первое время горе казалось таким сильным, что Зенфред даже думал покончить с собой, но пожалел матушку и решил тем же вечером просить магистра отправить его домой. Как раз в этом месяце Верховный писал ежегодный отчёт для глав семейств, чьи отпрыски проходили обучение в стенах магического оплота. В письмах указывались успехи и неудачи адептов, их способности, а также степень прилежности и послушания.

Неизвестно, какие небылицы Каснел каждый год сочинял о Зенфреде, раз отец до сих пор не отозвал бездарного сына обратно на остров или, на худой конец, не отказался от него. Зенфреду оставалось только надеяться, что через пару лет он повзрослеет и станет неузнаваем для выпускников Академии, где долго будут передаваться от старших к младшим приукрашенные грязными подробностями истории его неудач.

Трапезная давно опустела; адепты, окончившие ужин и вдоволь наслушавшиеся рассказней Факела, разбрелись по комнатам; и только Зенфред всё ещё не добрался до своей постели. Наказание за прогулки в ночное время было суровым, но он не спешил возвращаться, а направился напрямик к центральному зданию, где находился кабинет магистра Каснела.

Зенфред миновал увитую плющом колоннаду, прячась в тени и затравленно озираясь по сторонам. Он боялся встретить учеников или старших магов, которые могли знать о сегодняшней шутке Факела.

Пробравшись к входу, горе-адепт бесшумно отворил дверь с бронзовыми ручками и пошёл по коридорам мимо бесчисленного множества комнат. К стенам крепились кольца с яркими камнями. Свет от них исходил белый, мягкий. Блики играли на позолоченных багетах картин, статуях и напольных вазах. Пробежали мимо возвращавшиеся из библиотеки мальчишки-первогодки. Зенфред завернул за угол, чтобы не столкнуться с ними, и дождался, пока стихнут шаги, гулким эхом раздававшиеся по мраморному полу. Убедившись, что рядом никого, он выглянул в центральную залу, где за арочным проёмом темнела дверь в кабинет Каснела. По бокам от неё стояли бесформенные постаменты в виде Источников, отлитые из крашеной светочной руды. Зенфред собирался с духом, когда вдруг из дальнего коридора появился незнакомый молодой мужчина и бесшумно проследовал в обитель магистра.

Зенфреда насторожила его одежда. В Академии дорогих тканей никто не носил. Даже Верховный всегда одевался просто, почти бедно, а на незнакомце была рубашка тончайшего шёлка и белый камзол с манжетами, вышитыми золотой нитью. Зенфред не припоминал его лица, хотя за девять лет изучил здесь всех – от конюшенных мальчишек до старших магов. Он немного потоптался на месте, но решил всё же не откладывать разговор, а подождать своей очереди. Когда он прильнул к замочной скважине, подстрекаемый любопытством, то услышал речь незнакомца:

– Корабль Ханвиса прибудет в порт к началу Скорбного месяца, мне пришлось убедить их отложить совет на несколько дней, чтобы успеть предупредить вас.

– Я так и знал, что этот старый дурак Майернс решит объявить преемника без моего присутствия. Он никогда не считался с магами, как будто мы здесь выращиваем ему скот для забоя, а не военную элиту! – в сердцах выпалил Каснел.

– Вы один из первых в списке приглашённых, я об этом позаботился. – Тон голоса незнакомца был, напротив, спокойным, даже холодным.

Зенфред подумал, что подслушивание может выйти ему боком, но речь шла об отце, а негодование магистра требовало разъяснений.

– Нет. Я не отправлюсь туда. Ты поедешь вместо меня и будешь следовать нашему плану. Я прибуду в столицу позже, когда Майернс соберёт второй совет, – теперь Каснел говорил отрывисто и сухо.

– Как прикажете, магистр.

– Хорошенько восстанови силы, тебе потребуется много энергии, дело нешуточное. Жаль, я не могу дать тебе с собой мальчишку. Он должен быть здесь, когда явятся солдаты.

– От него всё равно мало толку, – равнодушно заметил незнакомец. – Будь у него открыт хотя бы второй канал, я мог бы восстанавливаться как следует, а так я трачу больше сил на то, чтоб его усыпить.

Речь, должно быть, шла о ком-то из младших адептов, кому только-только открыли первый канал. Зенфред возмещал ущербность в магии науками и многое знал, но не мог понять, каким образом один человек может подпитываться от другого. Перейдя на созерцание и понаблюдав за незнакомцем, Зенфред обнаружил, что ещё не встречал такого Источника. Он был серого цвета. Не белого, принадлежавшего людям, никогда не пользовавшимся магией, но и без цветного оттенка, который сосуды приобретали после открытия.

– Ты лучше меня знаешь, почему ему нельзя усиливать доступ к Источнику, – раздражённо отрезал Каснел. – Магов такого типа, если им что-то взбрѣдет в голову, сдерживать одними запугиваниями не выйдет. Меня и без того беспокоило, что он торчит целыми днями в библиотеке, хотя я и велел убрать оттуда все сколько-нибудь затрагивающие эту область книги.

При упоминании библиотеки Зенфреда прошиб холодный пот. Он ведь и сам владел только одним открытым каналом и дни напролѣт проводил за чтением, пытаюсь обнаружить в себе склонности к той или иной магии.

– Не беспокойтесь, магистр, я уверен, он даже не догадывается об этом.

Дослушивать разговор Зенфред не решился. Он покинул главное здание прежде, чем незнакомец вышел из кабинета, и, получив взбучку от старшего мага, поднялся в спальню. Там он лёг на не расправленную постель и долго не мог сомкнуть глаз, обдумывая услышанное. Магистр не назвал имени адепта и причины, по которой в Академию должны были наведаться солдаты, но в его словах отчётливо чувствовалась угроза.

Спустя некоторое время Зенфред всё же заснул, сморѣнный усталостью и дневными тревогами, но спал недолго, а проснулся от давно забытого звука раскатов грома. Академию защищал купол погодной магии, и таких ливней на памяти Зенфреда здесь не случалось ни разу. Когда он открыл глаза, то вздрогнул: зарница на мгновение выбелила комнату и осветила стоявшую у распахнутого окна фигуру в длинном светло-сером плаще.

– К-кто вы?! – испуганно выпалил Зенфред.

Нежданный визитѣр обернулся и, сняв капюшон, оказался незнакомцем, недавно беседовавшим с Каснелом.

– Каждый раз один и тот же вопрос, – сказал он со вздохом, облокотившись на широкий каменный подоконник. – Моѣ имя ничего тебе не даст, хотя бы потому, что у меня их больше, чем пальцев на обеих руках. А вот подслушивать чужие разговоры тебе не следовало, это добавит мне работы.

Ветер трепал его светлые волосы, капли дождя блестели на одежде и коже точно бисерины, вспышки молнии очерчивали красивый профиль с аккуратно остриженной бородой и усами.

После не было ничего. Ни ученической спальни, ни грозы и шума ветра за распахнутым окном, ни светлячка настенной лампы – только тишина и темнота, походившая на созерцание, когда вокруг нет ни одного Источника. Спустя некоторое время послышался стук сердца,

медленный, едва различимый, следом дыхание. Веки казались вязкими, и как бы Зенфред ни силился открыть глаза – видел перед собой только чернильный мрак.

Он пролежал неподвижно довольно долго. Тело оцепенело и затекло. Где-то в углу капала с потолка вода, шуршала мышь в прелой соломе. Спёртый, неподвижный воздух пропитался вонью плесени. В груди чувствовалось едва заметное давление, от которого тошнило, но скоро оно прошло.

В голове что-то щёлкнуло и будто оборвалось. Зенфред неожиданно ощутил жуткий холод. Он поднимался от ступней к коленям и скоро охватил всё тело. Когда вдалеке слышались шаги и огонёк масляной лампы прорезал темноту, Зенфред обнаружил, что лежит на узкой скамье в одном из карцеров подземелья, где когда-то была тюрьма. Тусклое марево осветило поеденные ржавчиной решётки; темневшие за ними своды потолка с узором нервюр; древние барельефы, изображавшие пытки нечестивцев. Зенфред с трудом повернул голову и тут же сощурился, спасая глаза от света сального огарка.

– Эй, друг, как ты там? Это я! Вельмунт! – послышался шёпот мальчишки. – Ну же, не молчи! Скажи мне хоть что-нибудь! Я принёс твоих любимых пирожков с мясом! Ответь же, я не могу тут долго оставаться! – Он выглядел напуганным.

Зенфреду очень хотелось ответить. Хотелось настолько, что неподвижные губы зашевелились, и раздался хриплый стон.

– Где это я, Вельмунт? Это из-за того, что я ходил за пределами Академии ночью? Из-за этого меня сюда посадили?

Он напрочь забыл подслушанный разговор и незнакомца.

– Мой Создатель! О каких ещё твои проступках я не знал?! – ошеломлённо выпалил мальчишка.

– Ни о каких, Вельмунт. Всё это случилось вчера, я ещё не успел тебе рассказать.

– Вчерашний день ты пролежал здесь в беспамятстве. – Вельмунт смотрел в пол, прижимая к груди узелок с едой, видно было, как дрожат его губы.

Тело почти не слушалось, и Зенфред понял, что от слабости не может встать.

– Так за что я здесь, что случилось?

– Много всего, так сразу и не расскажешь. Ничего, друг, ничего, скоро всё уляжется, ты только держись. Поешь немного.

Не поднимая глаз, мальчишка просунул узелок между прутьями решётки и собрался уходить.

– Остайся! – взмолился Зенфред. – Не бросай меня тут!

– Я должен идти, зрители не обрадуются, если я задержусь дольше положенного. Прости, друг, я скоро навещу тебя, обещаю. – Вельмунт развернулся и торопливо зашагал прочь, унося с собой масляный фонарь, а вместе с ним огонёк надежды, ненадолго разорвавший пути тьмы.

Глава 3

Спор в питейной Груна затеялся нешуточный. У большого выскобленного стола собрались завсегдатаи и случайные посетители, пара крепких язычников с цветными лентами в волосах и клеймёные из местной шайки. Подошёл сделать ставку даже хозяин, пообещав всем бесплатного пива в случае выигрыша. Летфен храбрился, пока ему завязывали руки, дабы избежать мухлежа, и посматривал на дохлую мышь в клетке местного торговца ядами. Диковатый старина Еноа продемонстрировал силу настойки из манровой травы, уколов грызуна смоченной в отваре иглой. Мышь тотчас испустила дух, и Еноа торжествовал, уверенный в убийственной силе своей лучшей отравы. Народу на стороне Летфена почти не было: никто не верил, что после глотка напитка тощий мальчишка останется жив.

– И пикнуть не успеет! – Еноа вылил в кружку с выпивкой добрую половину скляницы.

Кошелёк, оставленный недавним спасителем, быстро опустел, а заработать в Эдосе можно было, разве что примкнув к наёмникам. Затеяв спор, Летфен решил убить разом двух зайцев – набить карманы и попасть в расположение местного главаря. Он знал, что зелья Еноа едва ли его убьют. Колдун имел полезную привычку рассказывать составы ядов и описывать возможную смерть, прежде чем спаивать их Летфену. Отрава в Эдосе отличалась паршивостью и дешевизной. Старик делал её из гадов, пауков и растений, произраставших поблизости. Изредка ему удавалось раздобыть настойку из порошка жгара или флакон летучего оника, но подобные сокровища предназначались явно не для глупых споров, а простые рецепты Летфена не страшили.

– Проглочу и добавки потребую! – заявил он.

– Ну-у, хиляк, болтай, пока язык не отвалился, – расхохотался захмелевший щербатый главарь Авердо.

– Не поглядите, что ростком не вышел, – наклонился к нему подошедший мальчишка-разносчик, которому Летфен перед спором пообещал медяк. – Говорят, его никакая отравка не берёт, я сам на него поставил.

– Добро! – разгорячился Авердо, сверкнув синими глазами из-под густых светлых бровей. – Давай, ядоглот! Только если помрёшь, с кого ж я спрашивать буду?

Он достал висевший на груди кожаный кошель и присоединился к спорщикам. Стук пивных кружек сливался с общим гогогом, несколько порядком набравшихся посетителей едва не подрались за место с удобным обзором, но вот всё стихло. Еноа поднёс отраву ко рту Летфена и, брызгая слюной, завопил:

– пей до дна!

Его подхватили остальные, питейная тотчас заполнилась множеством азартных возгласов, улюлюканьем, топотом, ударами кулаков по дереву и шлепками. Шум стоял небывалый. Летфен проглотил, сколько смог, благо, почти половина из-за трясущейся руки старика попала мимо рта и только намочила одежду.

– Вот-вот скрючится! – выдохнул Еноа, приоткрыв беззубый рот и выпучив глаза, из которых зрячим был только правый, а левый закрывало бельмо.

Летфен поморщился и икнул, сдерживая рвоту. Разбавленное пойло Груна мало походило на пиво, а после добавления настойки стало ещё и невыносимо горьким. Летфен спрыгнул с края стола, скрывая накатившую слабость и дурноту, и потребовал развязать руки. Спорщики наблюдали за каждым его движением, все ждали, когда подтвердятся слова Еноа – из ушей пойдёт кровь, а изо рта пена, но Летфен только отплёвывался.

– Ты говорил, сразу убивает! – кто-то пихнул старика.

– Да погоди ты! Сейчас повалится, сейчас!

– Если и повалюсь, то только с голоду, – отмахнулся Летфен. – Эй, Грун, глянь, какую я тебе сделал выручку, ты уж накорми дитяtko и соломки на конюшне выдели.

– Какой тебе соломки? – Грун пригладил жидкие рыжие волосы. – В яму земляную сегодня спать пойдёшь, побелел, как светочная крошка!

– Так я, – Летфен икнул, – видать, из знатного рода! Белый, как королевский зад.

Первым загоготал Авердо, следом зашлись хохотом остальные. Карманы опустели, а брага осталась только на дне кувшинов, но никто не расходился. Летфен меж тем порозовел и продолжал требовать бесплатного ужина.

– Всё! – Авердо хлопнул кулаком по столу и принялся загребать деньги. – Живой ядоглот. Наша взяла.

– Не сегодня-завтра помрёт! – встрял кто-то.

Главаря попытались остановить, затеялась драка. Летфен спрятался за стойкой и, пока в питейной роняли столы и били посуду, жевал схваченный по дороге в убежище ломоть хлеба. Авердо быстро расправился с несогласными. Двоих пырнул ножом, остальным намяли бока его люди. Когда всё стихло, он вернул на место стол и потребовал ещё вина. Летфен с победной ухмылкой переступил через тела неудачливых спорщиков и занял место подле него.

– А-а, ядоглот, не помер ещё? – Авердо добродушно хлопнул его по спине и чуть не впечатал лицом в чашку.

– Жив буду, если дух не выбьешь, – Летфен поморщился от боли. – Я страшно удачливый! Как к кому примкну, так деньги рекой льются, возьмёшь к себе, а, главарь?

– На кой ты мне, сопля нежёваная? – удивился Авердо. – Болтать ты горазд, да только я не король, чтоб шутов держать, а на дело тебя не возьмёшь – того гляди ветром по дороге сдует.

– Да где ж ты второго такого бессмертного найдёшь? – возмутился Летфен. – Пригожусь ещё, хоть для споров.

– Уйди ты, щенок, – отмахнулся Авердо. – Дураков нету, один раз проверят, во второй – не поверят.

– Слышал, вы на гронулов через пару дней пойдёте.

– Пойдём. Вот просохнем и пойдём. А тебе-то что?

– Так я бегая шустро! Приманкой буду, а, главарь?

– И всё-то тебе помереть не терпится, мальчишка! – Авердо громогласно рассмеялся и снова хлопнул Летфена по спине так, что тот согнулся и охнул. – Тебе годков-то сколько? Молоко ещё на губах не обсохло.

– Девятнадцать вёсен. – Летфен опустил ворот шерстяной рубахи и показал чёрное, как смоль, клеймо убийцы. – Не подведу, главарь, так и знай – не подведу.

Авердо прищурился, разглядел надоедливого собеседника с ног до головы и одобрительно хмыкнул.

– Эй, Грун, принеси ему чего пожрать, а то и падаль на такого не поведётся.

Веселье продолжалось до тех пор, пока Авердо не истратил все выигранные в споре деньги. Его громадной туше было мало даже бочки пива, хмель скоро выветрился, и пришла пора отправляться на отдых. Летфен водил пальцем по столу, мысленно проклиная колдуна, лишившего его одной из немногих радостей жизни. Главарь расщедрился, кувшины с вином не успевали опустеть, но голова Летфена оставалась ясной, точно ему в бокал подливали вместо горячительного колодезную воду.

– Места у меня нет. Спать будешь у Ферона, – сказал Авердо после долгой отрыжки, когда они покинули жаркое задымлённое нутро питейной. – Он мой должник, найдёт тебе угол, а завтра утром приходи, надо обговорить работёнку с язычниками.

Снаружи моросил дождь, дул холодный ветер, предрассветную темноту разгоняли тусклые фонари и светочные камни в лампах впереди идущих наёмников.

– Так мне бы кого в провожатые, а, главарь? – Летфен ёжился и кутался в надетую поверх своей выдавшую виды куртку мужчины, убитого в питейной. – Прирежут же по дороге, кого потом на гронулов пустите?

– А наглости тебе не занимать! – Авердо сурово глянул на него сверху вниз. – Корми его, на ночлег устраивай, да ещё и охраняй! Не много ли чести для такого сопляка?

– Любую свинью откармливают и берегут, прежде чем заколоть, это всем известно!

– А я, по-твоему, дурак и не знаю? – Авердо рассердился было, но тут же остыл и подозвал кого-то. – Эй, ты, иди с ним к Ферону. Скажи, что от меня.

Угол, выделенный Летфену, был далёк от очага и завален прелыми мешками, но годы скитаний научили видеть удобство везде, где можно сомкнуть глаза и не очнуться с распоротым брюхом. Отвоевав место у тараканов, Летфен подложил под голову скрученное тряпье и с наслаждением зевнул. День выдался на редкость удачный: желудок сыто урчал, спрятанная от дождя одежда мало-помалу сохла. Впору было провалиться в сон, и любой другой бродяга на месте Летфена так бы и сделал, но вечные враги отдыха – мысли не желали покидать голову.

Ферон – бородатый торговец табаком с кривым носом и усталым лицом сидел на кресле у камелька и попыхивал трубкой, время от времени поглядывая в сторону неожиданного постояльца. Ложиться он явно не собирался и поглаживал висевший на поясе нож, хотя охранять в халупе было нечего.

– Эй, хозяин, а ты откуда родом? – спросил Летфен, повернувшись лицом к огню.

– Лежи да помалкивай, раз место дали.

– Так и в зверя превратишься, если будешь всё время молчать. Оброс ты уже порядком и ходишь косолапо. Слышал историю про дикого старика? Он жил в лесу и на людей кидался, был сильнее медведя и любого зайца загонял, а потом умер, испугавшись людской речи. Зверья в округе маловато. На кого ты охотиться будешь, если одичаешь? На гронулов?

– Да помолчи ты! – Ферон вытащил изо рта трубку и сплюнул. – С Роны я.

– С юга, значит? – оживился Летфен, приподнявшись и подложив руку под голову. – Ну, тогда недаром волосатый такой, холодно, поди, на севере, вот шерсть и отращиваешь.

– Ты сам-то откуда, кудрявая башка?

– Я с Нои.

– Не слышал о такой.

– Деревенька на востоке. Она за горами, про неё мало кто знает.

– И как же ты тут оказался? – Торговец прищурился и сел вполоборота. – Тебе бы впору за мамкин подол цепляться, а ты по Эдосу шастаешь. Не знал, что уж и детей клеймят. Скоро младенцев от титки отнимать будут и на рудники тащить.

– Как все, так и я. Не от хорошей жизни, – отмахнулся Летфен.

Ему невольно вспомнился покосившийся от времени, вросший в землю дом с облепленными мхом стенами и щелями, забитыми паклей. Крохотные окна, на зиму закрытые ставнями, а летом распахнутые навстречу шумному морю. Запах жареной рыбы и водорослей, аромат сушёных трав на чердаке и тепло натопленной матерью печи.

Память хранила воспоминания о днях, когда отец и старший брат Йозеф брали Летфена в море, учили ставить сети, потрошить и вялить глянцевиных рыбёшек, поддевать моллюсков, чтобы достать спрятанное под панцирем нежное розовое мясо. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как Летфен в последний раз прыгал с камня на камень по гладкой прибрежной гальке и высматривал вдалеке суда. Он старался не вспоминать о той, другой жизни, где семья собиралась за скудным, но весёлым ужином, солёный ветер трепал вывешенное во дворе бельё и бросал в лицо брызги волн, а летнее солнце делало кожу такой тёмной, что пропадали веснушки.

Летфен перестал толком расти лет с тринадцати. Йозеф, которому к тому времени шёл семнадцатый год, не уставал подтрунивать над младшим братом. Он был высок, широк в

плечах и очень похож на мать, слышную по молодости красавицей. Деревенские девушки частенько делали крюк и ходили за водой к дальнему колодцу, только чтобы пройти через рынок и посмотреть на торговавшего рыбой или сетями Йозефа. Приходя домой, брат всегда хвастался если не вырубкой, то женским вниманием.

В голодный год неожиданным морозом среди лета побило хлебные поля, и отец стал чаще выходить в море. Когда его застиг шторм, не раз латаная лодка перевернулась, и тело рыбака, погребённое под пластом тёмных вод, досталось на съедение рыбам, которыми он всю жизнь питался.

Йозеф так и не женился, взвалив на себя заботы о брате и матери, слёгшей после смерти отца. Несмотря на его старания, денег не хватало, и Летфен вместо починки сетей начал подворовывать. Однажды он умудрился стянуть золотые часы у заезжего торговца и по глупости тут же попытался продать. Часы узнали, а их злосчастливого хозяина в тот же день нашли мёртвым. Летфена посчитали убийцей и привлекли к ответу. Он отправился бы на рудник ещё в свою пятнадцатую весну, но Йозеф выгородил брата и выставил виновным себя. Ему прилюдно поставили клеймо и увезли на прииск, а по деревне поползли разные слухи. Одни говорили, что Йозефа забили на руднике или он умер там от чёрной болезни, другие утверждали, будто он сбежал по дороге и с тех пор прячется по лесам в шайке таких же клеймёных, грабит путников и ворует скот.

Матери не стало к следующей весне. С того дня, как забрали брата, и до самой её смерти Летфен ни разу не осмелился взглянуть ей в глаза. Молчание и отрешённый взгляд родительницы передавали укор острее любого слова.

Летфен ушёл из деревни на другой день после похорон. Он пытался отыскать Йозефа, примкнув к шайке клеймёных или попав в их города, о которых знал только со слов странников, смачивавших горло в деревенской питейной, но безрезультатно. Проведя несколько лет среди наёмников и совершенно отчаявшись, Летфен решился, заполучив клеймо, добраться до Северного рудника. Брата не оказалось и там. За каторгой последовал год в тесноте подземного карцера, белое, вечно равнодушное лицо Мертвякова сына и брюзжание колдуна с его колбами и склянками.

– Семья-то у тебя есть? – спросил вдруг Ферон.

– Есть. На том свете.

– Оно и видно. А у меня в Пранте дочка живёт. Редкая красавица.

– Да ты ведь страшила! – удивился Летфен, оборачиваясь. – В кого ей красавицей быть? Он хотел отпустить едкую шуточку про гулящую жену, но вовремя одумался.

– В мать-покойницу, – задумчиво ответил Ферон, набивая в зажатую меж почерневших зубов трубку очередную порцию табаку. – Слегла от тифа лет пять назад. Всё внуков хотела, да так и не увидела.

– Не горюй, Ферон, – Летфен зевнул и потянулся. – Зато у тебя дочка есть. Дочка – это хорошо, а красивая – в два раза лучше. Будут красивые внуки.

– Уже есть один, – гордо сообщил Ферон. – Ох, и шустрый мальчишка! И тоже рыжий, как ты.

Сон сморил Летфена ближе к рассвету. Он не помнил, сколько проспал, прежде чем хозяин разбудил его настойчивыми пинками.

– Вставай, утро на дворе.

Летфен поднялся, чувствуя ломоту во всём теле и сухую горечь во рту. Ферон протянул ему кружку, от которой шёл пар, и ломоть чёрствого хлеба.

– Держи, кудрявый, живот от спины отлепи, погрейся и проваливай.

Летфен удивлённо посмотрел на хозяина и принял неожиданный завтрак.

– Да ты прямо на человека похож стал! – пробубнил он с набитым ртом. – Даже волос как будто поубавилось! Ты так на всех не разорайся, а то зима скоро. Зимой без шерсти туго.

– Отрезал бы я твой язык и продал нашему Еноа, вот уж где яд похлеще змеиного! – нахмурился Ферон.

Летфен в ответ широко улыбнулся.

Когда он вышел на улицу, солнце ещё не поднялось. Город просыпался, распахивал болезненно-красные от предрассветного марева веки-ставни, являл миру запавшие вглубь тёмных домов глазницы окон. Точно призраки бродили по узким улочкам жители. Вода в лужах рябила от шагов, отражала серое небо и низенькие халупы с кривой кладкой осыпающихся кирпичей.

До дома главаря Летфен добрался бегом, чтобы сохранить тепло. Авердо заметил его из окон и скоро вышел навстречу в сопровождении пяти крепко сложенных мужчин. Вместе они составляли отряд по поимке гронулов, обитавших в лесах вокруг Эдоса. Эти твари были, пожалуй, единственной причиной, по которой королевские чистильщики до сих пор не нашли и не выпотрошили город, потому, вылавливая и убивая их, клеймёные сами лишали себя убежища. Отрезанные головы продавали Груну, а тот, в свою очередь, отправлял товар на большой столичный рынок, где властями за него была назначена хорошая цена.

– Гляди-ка, и правда жив, – Авердо присвистнул. – Ну, пошли, ядоглот, узнаем, что там затеяли язычники.

– А куда идём? – Летфен едва поспевал за широкими шагами главаря.

– К Синлю, слышал о таком? Он у них главный.

Синлю принадлежал постоянный двор на другом конце города. Он пользовался меньшим спросом, нежели питейная Груна, да и пускали туда не всякого. Хозяин был одним из язычников. Гонения на них в последнее время достигли пика, и мирные жители предпочитали клеймёные города правительственной опеке. Тех, кто не соглашался принимать веру в Создателя, прилюдно казнили, сжигали целыми деревнями, травили воду в колодцах и источниках, превращая жизнь верующих меньшинств в сущий ад.

Один поворот сменял другой, в некоторых местах улицы сужались настолько, что два встречных человека с трудом смогли бы разойтись. Наконец появился заветный дом в два этажа с нацарапанными на деревяшке перед входом словами «Гостевой дом у Синля». Авердо поднялся по ступеням и взялся за дверное кольцо. После пятого стука ответом ещё долго была тишина. Потом послышалась какая-то возня, грохот посуды, тяжёлые шаги.

– Кого там принесло в такую рань? – прозвучал хрипловатый голос хозяина.

– Это Авердо, хотел работёнку обговорить.

Слышно было, как изнутри сняли сначала засов, затем крюк и цепь. Щедро смазанные маслом петли не издали ни единого скрипа.

Хозяином оказался статный мужчина довольно приятной наружности: безбородый, с аккуратно остриженными усами и русой косой с вплетённой в неё красной лентой, означавшей, что Синль почитает огненных божеств. Одет он был в наспех накинутую шерстяную тунику и льняные штаны. По бокам стояли четверо парней несколькими годами старше Летфена, видно, сыновья – такие же рослые и крепкие.

Хозяин пригласил Авердо и его людей войти. Внутри было натоплено и пахло съестным. В камине горел огонь безо всякой там светочной крошки, самый обычный – древесный. Впереди утопала в темноте лестница, ведущая на второй этаж.

Все расположились за большим столом в общей комнате, и Синль, помолчав, начал:

– Грун говорит, ты продал ему не меньше десятка голов. Стало быть, ты опытный охотник. Я плачу в пять раз больше за одного гронула.

– И в чём подвох? – Главарь нахмурился и скрестил руки на груди, глаза его в свете пламени походили на два топаза.

– Гронул нужен мне живым.

– Живым?! – Авердо от удивления подался вперёд. – Ты, видно, рехнулся, Синль. Как, по-твоему, я притащу тебе эту тварь целиком, когда одна её голова каждый раз стоит жизни кому-то из моих людей?

– Это уж не мои заботы, – спокойно отозвался язычник. – Смастери ловушки, купи у Еноа сонной травы или возьми побольше верёвок. Я раздобыл кое-что для этого дела. – Он выставил на стол пузырьёк из чёрного стекла. – Двумя каплями можно приманить любого гронула.

Авердо глянул на Летфена, тот презрительно фыркнул и спросил:

– Для чего тебе такая зверюга? В сани по зиме запрягать будешь?

Синль нахмурился. Лицо его как будто вытянулось. Выглядело так, будто вопрос его оскорбил.

– Твоё дело привести гронула, а не спрашивать, – сказал он, чеканя каждое слово.

– Ещё чего, – возмутился Летфен. – Да я за это страшилище собственной шкурой отвечать буду! Я тут главная приманка, а ты хочешь, чтоб я от любопытства умер?

Авердо шлёпнул его по затылку, и Летфен замолчал.

– В самом деле, зачем тебе зверь? – спросил главарь.

В воздухе повисло напряжение, и воцарилась такая тишина, словно в комнате не было ни единой живой души.

– Я где-то слышал, что язычники умеют заговаривать гронулов, и те становятся послушной собаки, правда это, Синль? – Летфен прищурился.

Все взгляды тотчас обратились к нему, затем переметнулись в сторону побледневшего хозяина.

– Правда, – вздохнул Синль, обведя взглядом присутствующих. – Во всяком случае, было правдой много лет назад. Моя прабабка заговаривала гронулов, сам я её не застал, но многое слышал. Передаётся это по женской линии, а в нашем роду долго девок не рождалось. Теперь у меня есть дочь, Эна, на днях вот в девицы перешла. По прабабкиным записям умение заговаривать с первой кровью приходит. Я не так давно был в Пранте, слышал всякое. Что, мол, власти готовят какую-то отраву для гронулов. Если от них леса почистят – в Эдосе житья не будет ни нам, ни вам.

– Эй, Синль, а если их заговорить, можно потом верхом кататься как на лошади? – спросил Летфен, ничуть не взволнованный тревожными вестями.

– Откуда мне знать? Столько лет этим никто не занимался, а при нынешней власти тем более бояться. Я сохранил кой-какие свитки от прабабки, но не уверен, хватит ли этого.

Летфен, зевая, откинулся на спинку стула и замер с открытым ртом, заметив выглянувшее из-за перил круглое личико. Девчонке было лет шестнадцать, она робко смотрела на собравшихся и, поймав взгляд Летфена, тотчас нырнула назад в безопасную темноту лестницы. Разговор меж тем продолжался. Десяток человек с разными историями и укладом жизни постепенно сплывались и сходились на мысли, что отступать и прятаться дальше некуда: скоро придётся давать властям отпор.

Дочка Синля опять выглянула из темноты как пугливый птенец из гнезда. Летфен заметил её краем глаза и широко улыбнулся. Эна съёжилась, но осталась на месте, уголки её губ чуть приподнялись в ответ. Летфен про себя вздохнул, что девчонка наверняка видит в нём сопливого ребёнка, а не юношу, потому миловаться с ней он и не думал, но не мог отделаться от мысли, что она очень даже хорошенькая – розовощёкая, с длинной косой русых волос и красиво очерченными губами цвета вишнёвой настойки в питейной Груна. Такую и гронулейей ведьмой не назовёшь.

Глава 4

Отца не было четыре дня. Он редко уезжал так надолго, и Аринд здорово волновался. Благо, Саор помогал, чем мог. Без обязательной печати Аринд считался вне закона и не мог посещать людные места. Мать долго прятала его в подвале, а к тому времени, когда о нём узнал Редорф, Аринду было уже пять, и краска попросту не прижилась бы.

Отец частенько повторял, что у Энсердара два рока – чёрный и красный. Первым значилось тюремное клеймо, вводимое под кожу преступникам, а вторым – обязательная печать, из-за которой островитянам был закрыт путь на материк.

Саор сходил за Редорфа на рынок, заплатил подслеповатому Греду, чтобы тот пару дней поработал за прогульщика, даже побывал в закускойной «У Аралья», но ничего толком не узнал и бранился, называя отца дураком, не отпустившим грязное прошлое. Должно быть, он загулял, ударившись в тоску по времени, проведённому в наёмничьих рядах; весёлой, сытой и пьяной жизни; молодости, здоровью и женщинам. Редорф любил вспоминать эти дни.

Аринд вошёл в лабораторию, смахнув пот с раскрасневшегося лица, и поставил в угол ведро с водой. Учитель ворошил стопку листков, что-то перечёркивал, барабанил пальцами по краю стола.

– Закрой дверь, – потребовал он, – всё тепло выпустишь. И оботрись, пока болячку не подхватил. Лучше бы над книгами сидел, а не тело своё худосочное мучил. Папаша твой ума недалёкого, раз думает, что ты ему под стать вырастешь. Много ли он убийствами заработал, кроме хромой ноги?

– Отец сказал, из меня не выйдет наёмника, – возразил Аринд, снимая мокрую рубаху. – Он говорит – я крыса.

– Мой Создатель! – Саор всплеснул костлявыми руками. – У тебя дар речи появился, мальчик? Я уж и не надеялся, что ты когда-нибудь сумеешь связать больше трёх слов.

Аринд так редко отвечал, что Саор порой забывал, как звучит его голос. Только беспокойство делало ученика разговорчивей.

– И правильно говорит, в кои-то веки. Какой из тебя душегуб, когда ты людей чураешься, а подземелья тебе милее дома родного? Подсунули мне ведьмино отродье, а ты вместо того, чтоб помогать, занимаешься невесть чем. Хорошему травнику сила нужна только на то, чтоб варево в котле мешать, а ты все деревья избил, все заборы поколотил, ни одной щепки не принёс! Людей убивать – не мешки с соломой протыкать. И травника из тебя не выйдет, так и знай.

Аринд поставил котелок на светочные камни, зачерпнул ковшом воды из ведра.

– Я плохой ученик? – спросил он.

– Стал бы я тебя учить, будь ты дураком? – Саор хлопнул его по затылку. – Ишь, разговорился. Стой тут и за отваром следи, а я ещё раз попробую краску для печати сделать. В прошлый раз цвет вышел похожий, правда, держался недолго.

Аринд невольно взглянул на запястье учителя. Обязательная печать считалась пропуском в селения и знаком того, что человек родился и вырос на тюремном острове. Эта метка не позволяла простым жителям покидать пределы Энсердара. Свободными считались только представители высшей знати, имевшие подписанные самим королём пропускные грамоты. До сих пор никто, кроме отца и Саора, не знал, что Аринд беспечатный, но решился он наведаться в деревню или на рынок, его бы казнили.

Предчувствие чего-то дурного всегда приходило неожиданно. Так случилось и в этот раз. Воздух пропитался тревогой. Сердце забилося чаще, а по спине поползли мурашки. Аринд напрягся и прислушался. Учитель перемалывал в ступке красные соцветия, брюзжал, чихал от пыльцы. Он был туг на ухо и не слышал поднявшегося в коридоре шума, топота шагов и

голосов. Так многолюдно бывало только в дни, когда привозили новых заключённых, но срок для этого ещё не подошёл.

– А ну мешай как следует! – завопил Саор. – Горелым воняет! Что ты встал?

Спустя мгновение дверь распахнулась, и в лабораторию ворвались солдаты в белых плащах. Аринд шархнул к шкафу с порошками. Такую одежду носили чистильщики, о которых часто рассказывал отец. Их отряды занимались поимкой беглых каторжников и беспечатных, вырезанием строптивых язычников и наёмничьих шаек острова.

– Проверьте мальчишку! – рыкнул кто-то.

Застигнутый врасплох, Аринд замер и не смог сдвинуться с места, когда кто-то схватил его за запястье. Люди превратились в калейдоскоп цветных пятен, голоса слились в гул. Голова Аринда опустела от страха, и, хотя на поясе висел нож, а в шкафу поблёскивали флаконы с кислотой, он даже не пытался сопротивляться.

* * *

Грозовой горизонт утонул во тьме, грань между небом и землёй расчерчивалась только вспышками молний. Шелестели встревоженные ветром деревья, отовсюду слышалось шуршание палой листвы. Точно кости хрустели и пощёлкивали спрятанные под ней сухие ветки. Пахло мокрой древесной корой, грибами и смертью. Запах был в точности таким же, как у начавших разлагаться тел, которые Аринду не раз доводилось вывозить на тюремное кладбище.

Он чувствовал, что лежит на чём-то холодном и жёстком. Телега подпрыгивала, и голова раз за разом стучалась о дощатый настил. Скоро боль стала такой нестерпимой, что беспamięтство отступило. Аринд открыл глаза и увидел прямо перед собой освещённое молнией лицо Саора, вымазанное в крови. Он в ужасе отпрянул и упёрся спиной в металлические прутья клетки. Связанные руки онемели, затылок, недавно огретый рукоятью меча, взорвался болью.

– Глядите-ка, наш беспечатный очнулся, – послышался голос одного из солдат.

Гнедой жеребец под ним фыркал, стряхивая с мокрой гривы капли.

– Слава Создателю! – отозвался второй. – Я уж боялся, помрёт по дороге.

Всадников, сопровождавших повозку, было семеро. Аринд отвёл от них взгляд и посмотрел на Саора. Кровь из перерезанного горла пропитала косу седых волос и струйками стекала в щели меж досок. Покрывание беспечатных каралось смертью, но учитель никогда не попрекал Аринда тем, что из-за него мог раньше времени слечь в могилу. Он брюзжал и часто бывал недоволен, но за грубостью скрывал привязанность и стариковскую ревность.

Закончились долгие годы учёбы и зимние вечера, когда отец и учитель беседовали за бокалом крепкого вина. Последний урок прервался на середине, главное наставление не успело прозвучать. Бульмун не узнает о чудном изобретении, а в подземной лаборатории, ставшей Аринду вторым домом, скоро появится новый хозяин. Со смертью Саора мир как будто сократился вдвое.

К утру стало невыносимо холодно. Аринд кутался в оставленный чистильщиками плащ и дрожал до тех пор, пока повозка не миновала городские ворота. За ними не было и намёка на непогоду. Аринд шурился, с удивлением разглядывая пронзительно-синее небо над головой. Ясные дни на Энсердаре случались раз в несколько месяцев и тут же сменялись чередой затяжных дождей, от которых осень казалась бесконечной. Ещё несколько мгновений назад Аринд наблюдал за жухлыми полями и скелетами деревьев, терявшими обноски последних листьев, а теперь вокруг благоухали цветы. Яркие венчики вторили красным кустарникам и деревьям с пушистой, будто посеребрённой листвой.

Впереди каменным гигантом возвышалась арка, увенчанная полуразрушенной скульптурой королевского наместника. Телега ехала по широкой дороге, выложенной мозаичным узо-

ром. За фонтаном в виде переплетающихся змей сиял белыми фасадами Дом Совета. Аринд не видел его раньше, но ещё издали прочёл выгравированное название. Осень выпила соки из растительности острова, но в столице было тепло, и здание утопало в зелени. Две башни, устремлённые в небо, казались почти невесомыми из-за множества окон. Из стен выступали резные пилястры. Бордовая черепица блестела на солнце.

Через некоторое время лошади остановились, и солдаты принялись отпирать клетку. Аринда вытащили наружу, ноги затекли, и он едва не потерял равновесие, оказавшись на земле. У главного входа поблёскивали отполированными доспехами стражники, а перед мраморной лестницей красовалась на пике изуродованная голова мужчины. Опухшие веки были опущены. Спрятанные в густой бороде и усах губы слиплись от запёкшейся крови, бордовые струйки засохли на древке и испачкали белый мрамор. Лицо, покрытое ссадинами и иссиня-фиолетовыми кровоподтёками, напоминало один большой синяк, но Аринд узнал в нём отца. Колени подкосились, мир за мгновение съёжился до стука сердца в собственной груди.

– Пошевеливайся! – рыкнул кто-то из солдат, в спину упёрлось древко копья.

Аринд двигался как заторможенный. Из головы мгновенно выбило все мысли, кроме одной: «Он мёртв».

Происходящее казалось затяжным кошмаром, из которого хотелось скорее проснуться. Аринд считал шаги, ожидая пробуждения. Он никогда не плакал. Даже будучи ребёнком, когда пугался или ранился. Не от крепости духа или чёрствости, а из-за микстуры, которую в детстве капали ему в глаза, чтобы приучить к дневному свету. Горечь от потери копилась глубоко внутри и разъедала душу.

С тыльной стороны здания виднелось несколько арок с широкими лестницами. Белые светильники освещали просторный коридор, галереи сменялись узкими проходами и колоннадами, под ногами мерцал мраморный пол. Наконец Аринда впихнули в небольшую пустую комнату без окон. Дверь снаружи заперли, послышался звук удаляющихся шагов и голос одного из солдат за стеной:

– Госпожа Эсанора, ваш приказ выполнен!

Аринд не хотел верить. Он до последнего надеялся, что чистильщики не связаны с пропажей отца, а Редорф просто загулял или отправился вместе с Эсанорой навестить старых знакомых, но отец встретил его здесь, у центральных дверей, на окровавленной пике.

– Где он? – знакомый голос прозвучал как гром среди ясного неба.

– Здесь, госпожа. Желаете взглянуть?

– Непременно! Глоди! Иди сюда, дорогая, я тебе что-то покажу.

Дверь распахнулась, внутрь вошли несколько стражников и Сана, одетая в карминовый плащ с золотой вышивкой. Аринд кое-как поднялся и сел, не в силах оторвать взгляд от странно блестящих глаз советницы и хищной улыбки.

– Ну же, Глоди! – прикрикнула Эсанора, и следом в проёме появилась девушка лет двадцати в простеньком ситцевом платье, темноволосая, с крупными чертами лица.

Она ненадолго замерла и вся сжалась при виде Аринда, но переступила порог и встала рядом с советницей.

– Только посмотри, какое чудо! – не скрывая восторга воскликнула Эсанора. – Правда ведь, он как две капли воды похож на твоего полоумного братца? Я не смогла пройти мимо. Возьмём его для обряда, я хочу, чтобы ты полюбовалась его смертью. Только представь! Кровь с молоком!

– Да, госпожа, будет красиво, – тихо ответила Глоди.

– Я думал, вы уже собрали всю дюжину. Разве этот не тринадцатый?

Солдат потеснил высокий мужчина средних лет с короткими рыжими волосами и вытянутым лицом. Он был одет в чёрный плащ с красневшей на полах змеей – символом Энсердара.

– Надо же, глава стражи Остант! И вы здесь! Подумаешь, тринадцатый, если всё дело в количестве камер, пусть его посадят с кем-то ещё.

– Как вам будет угодно, – Остант поклонился. – Наслышан о ваших успехах, госпожа. Пришёл лично выразить почтение. Всего за несколько недель произвели такую чистку, о какой мы и не мечтали.

– У меня нюх на такие вещи. Люблю разгребать осиные гнёзда, иногда в них можно найти настоящие сокровища. Коллекции, подобной этой, королевство ещё не видело!

– Вижу, вас очень увлекло поручение. – Остант ещё раз поклонился.

– Хорошо, что в Академии Каснела выбирают всего дюжину магов для обряда! – Сана хлопнула в ладоши. – Это позволило мне растянуть поиски. Я даже побывала на руднике, не могла удержаться, чтобы не взглянуть, как плавится светочная руда. Это сказочно красиво!

– Безмерно рад вашим приятным впечатлениям, – кивнул Остант, сдержанно улыбнувшись.

Первым делом советница распорядилась, чтобы пленнику поставили тюремное клеймо. Саор, всегда любивший разного рода запретные темы, не раз пытался вывести его из-под кожи, но всякий раз опыты заканчивались неудачей. Чёрная жидкость имела сложнейший состав. Одним из компонентов были живые частицы – редкий магический порошок, благодаря которому клеймо могло перемещаться. Это делалось на случай, если кто-то захочет выжечь его или вырезать. Даже краска для обязательной печати, которую Саор не смог сделать за десять лет, не шла ни в какое сравнение с созданием преступной метки. Беглецы прятали обезображенную кожу под одеждой, но также, как беспечатные, никогда не совались в города и деревни, зная, что по улицам прогуливаются стражники с элигросами. В краску для клейма подмешивалось особое вещество, учуяв запах которого животные загрызали человека насмерть.

На следующий день растянутый на скамье Аринд надеялся, что Сана не станет пачкать превосходные мягкие сапожки, пробираясь сюда, но он ошибся. Советница пришла и стояла в дверях, самолично отдавая приказы о размере клейма.

Алхимик с помощниками приготовили сосуд, разложили странного вида инструменты на застиранной тряпице. От первого укола стало сначала холодно, потом невыносимо жарко. Аринд со всей силы сжал зубами палку. По телу будто проходились тысячи крошечных тварей, вгрызаясь в кожу и пуская под неё расплавленный металл. Бешено стучало сердце, вены на шее вздулись, лоб покрылся потом. Перед глазами всё плыло, Аринд видел то чёрные, то кровавые разводы.

Через несколько мучительных мгновений боль стала утихать, жар снова сменился холодом. Аринд слышал, как хмыкнула Сана, как застучали по мраморному полу её каблуки, как тихо переговаривались алхимик с помощниками. Мокрого и обессиленного, едва волочащего ноги, его впихнули в прежнюю комнату и заковали в цепи.

Аринд рухнул на пол и некоторое время пролежал в беспомощности. Очнувшись, он не стал разглядывать клеймо, а сел к стене, дрожа от холода, утёр кровь с губ и принялся ждать. Раньше темнота казалась безопасной и уютной, но здесь она была другой. В ней тонули чужие звуки, запахи и голоса. Всюду сновали люди. Аринд слышал дыхание солдата за стеной, эхо чьих-то шагов, чувствовал едва уловимую вибрацию пола и впервые понимал, что находится не в уединении, а в большой каменной клетке.

В коридоре послышалась чья-то робкая поступь. Человек подошёл к двери, и Аринд отчётливо услышал голос Глоди:

– Госпожа велела его накормить.

– Так корми, – усмехнулся стражник, – только смотри, чтоб он от тебя кусок не отхватил.

Дверь отпёрлась, стражник вставил светочный камень в кольцо на стене. Комнату залил ровный белый свет, от которого у Аринда заслезились глаза. Глоди в том же голубом платье с накрахмаленным передником вошла внутрь, держа поднос с кувшином и четвертью каравая

душистого хлеба. Аринд учуял запах съестного и невольно сглотнул, желудок протяжно заурчал, напоминая о нескольких днях голодовки. Глоди трясущимися руками опустила принесённое на пол и отошла.

Аринд потянулся к еде, но цепь оказалась слишком короткой. Глоди вздрогнула и отскочила к порогу под гогот стражника. Некоторое время она нервно мяла подол передника, потом собралась с духом и подтолкнула поднос носком ботинка. Аринд схватил кувшин и осушил его жадными глотками. Он жевал хлеб, когда в дверях появилась Эсанора.

– Как тут наш немой дурачок? – спросила она. – Отошёл? Да что ты так трясешься, Глоди, он же не буйный!

Аринд не поднимал головы и продолжал есть, чтобы появились хоть какие-то силы. Эсанора подошла совсем близко, сердце забилось чаще. Она присела рядом с Ариндом и, схватив его за подбородок, заглянула в лицо. От её волос, одежды и кожи исходил тошнотворно-сладкий аромат.

– Ты погляди, он же не умнее осла. И впрямь такой же, как твой братец, разве что слюна по подбородку не течёт. Принеси я сейчас голову его папаши, он и глазом не моргнёт. А Дорф так просил меня раздобыть сыночку обязательную печать, аж жалость берёт.

* * *

– Проклятый холод, до костей пробирает.

Чистильщик надрывно кашлял в кулак, придерживая поводья одной рукой. Он с удовольствием променял бы редкую в этих краях ясную погоду на бокал тёплого вина и уютную постель. Несмотря на посиневшие губы, глава стражи Остант держался в седле гордо и ни слова не проронил в ответ.

Поля, покрытые пожухлой, чуть припорошённой инеем травой, дарили пейзажу особую свежесть. За ними виднелись невысокие холмы с одинокими деревьями на вершинах. Впервые за всё время высоко в небе Аринд увидел птиц. Каменистые пустоши переходили в ярко-зелёные долины, а впереди, как змея посреди дороги, чернела пропасть, разросшаяся глубокими разломами. На противоположной стороне обрыва шелестел лес. Телега неспешно миновала мост и, проехав по мшистому ковру, снова оказалась в объятиях света.

Скоро впереди показался храм. От железных ворот к главному входу вела галерея с колоннами зелёного мрамора. Башни словно вырастали одна из другой, опоясанные ритмичным аркатурным узором и продолговатыми окнами с резными решётками. Повозка нырнула в боковой тоннель и выехала на арену, окружённую стенами, из которых выступали ступени для сидения зрителей. Наверху, расположенные в лучших точках обзора, виднелись роскошные лоджии с витиеватыми козырьками, откуда в скором времени должна была наблюдать за происходящим советница.

У Аринда зарябило в глазах, лоб покрылся холодной испариной. Страшно было даже подумать о том, что он выберется из телеги и окажется один посреди огромного пустого пространства. Весь путь до следующего карцера Аринд смотрел под ноги, изучая каждую трещинку на поношенных ботинках. Дорожки внутреннего двора сменились мраморными ступенями, мозаичным узором, богатыми коврами и снова ступенями, а завершились каменным полом расположенной на верхнем этаже камеры. Аринд шагнул внутрь и оказался за решёткой, словно запертый в клеть для всеобщего обозрения элигрос. Когда он поднял голову, то увидел ещё одного пленника. Из темноты на него смотрел измождённый, полностью седой юноша. Взгляд его бледных соломенных глаз был пронзительным, и Аринд снова почувствовал, как воздух пропитался тревогой.

Свет из окон в конце коридора скоро погас, пространство освещали только факелы. Аринд сидел, не шевелясь, словно любое движение могло причинить ему боль. Неожиданно

по телу прошёл жуткий холод, грудь сжало, будто кто-то с силой ударил под дых и вышиб весь воздух. Лёгкие съёжились, Аринд захрипел, хватаясь за горло. Лицо тут же покраснелось, выступили слёзы. Аринд замер, вжатый в стену и натянутый, как струна. Вены на шее вздулись, сердце замедлилось. Холод сковал конечности, и стало невозможно пошевелиться. Минуло несколько ужасающе долгих мгновений, прежде чем всё внезапно прошло. Аринд покачнулся и закашлялся, падая на широко расставленные руки. Тело трясло, к горлу подступила сильная тошнота.

Он с трудом вернулся в прежнее положение. Сокамерник наблюдал за происходящим с явным интересом. Его осунувшееся лицо было почти полностью скрыто в тени. Глаза, не отражавшие света, выглядели пустыми провалами. Аринд помнил их светлый оттенок, но теперь они переменялись. В них стыла матовая пугающе глубокая чернота.

Глава 5

Тишину нарушила чья-то гулкая поступь. Угольный мрак растворялся в белом свете фонаря, который человек нёс с собой. Зенфред встрепенулся и медленно встал. Подземелье, мерцающее и холодное, показалось ему тоннелем, вырубленным в огромном куске льда. От колонн поползли тени, на влажном полу заиграли блики. Темнота, ненадолго спрятавшаяся в глубине дверных порталов и пустых глазницах статуй, продолжала отступать, пока человек со светочем не подошёл совсем близко. Зенфред прикрыл рукой слезящиеся глаза и постарался разглядеть визитёра.

– Авел? А... это ты, Вельмунт. Я уж думал, наш старший пришёл.

– Тише, друг, – шепнул мальчишка, вынимая из внутреннего кармана плаща ключ. – Я тебя вытащу, иначе до конца жизни не смогу спокойно спать.

– Что ты задумал? – Зенфред вцепился в прутья решётки. – Откуда у тебя ключ? Ты что, стащил его? Да тебя выпорют за это! Я сам дождусь, пока закончится наказание. Не переживай, здесь не слишком уютно, зато Факел до меня не доберётся.

Он просунул руку и положил на плечо мальчишки. Тот стоял, опустив голову, и, казалось, не слышал, но от прикосновения всхлипнул и задрожал всем телом.

– Ты не понимаешь, друг! Это не наказание! Мне нельзя тебе говорить, нельзя даже приходить сюда. Я платил стражнику, чтобы он позволял приносить тебе еду вместо него.

Зенфред оцепенел.

– О чём ты говоришь, Вельмунт?

– Они мертвы, – выдавил тот сквозь слёзы. – Я не хотел тебе говорить. Не хотел говорить, чтобы ты не мучился.

Зенфред похолодел и убрал руку с его плеча. Испуганный взгляд Вельмунта метнулся к дальнему проходу, лицо побелело как полотно.

– Нужно спешить, – сказал он, вставляя ключ в замок.

– Объясни мне, что произошло, иначе я и шагу отсюда не ступлю! – выпалил Зенфред. – Кто мёртв? Кто-то из стражников?

– Твою семью казнили, – ответил Вельмунт тихим, слегка надтреснутым голосом. – Райелдов объявили предателями. Дед говорит, не было даже королевского суда. Их выволокли во двор, облили смолой и... – Он осёкся. – Солдаты скоро придут и за тобой, тебе надо бежать. Я принёс зрителям вина и подмешал в него травы, которую дед заваривает от бессонницы. Они крепко спят, нужно уходить, пока есть время.

Зенфред захохотал. Самая идиотская шутка, какую он только слышал в своей жизни. Вельмунт всегда был остёр на язык и любил повеселиться над застигнутым врасплох другом. Его реплика походила на фразу из какой-нибудь легенды, найденной на библиотечных полках. Некоторое время прошло в молчании. Глаза Вельмунта источали столько жестокой уверенности, что уголки губ Зенфреда невольно опустились. Мальчишка схватил его за запястье и поволок к выходу, освещая дорогу фонарём.

– Будешь скорбеть о них потом, – сказал он. – Сейчас главное, чтобы и тебя не казнили. Я этого не переживу.

Зенфреду снова захотелось смеяться. Он всё ждал, когда Вельмунт обернётся и улыбнётся во весь рот, говоря, что разыграл его, но тот продолжал идти молча. Мрачный и как никогда взрослый.

Они были неразлучны с тех пор, как дед Вельмунта – подслеповатый библиотекарь – привёл внука в Академию, чтобы обучить архивному делу. Улыбчивый любознательный паренёк понравился Зенфреду с первых дней, а отсутствие соперничества в магии сделало их дружбу крепкой, несмотря на разницу в возрасте. Вместе они проводили долгие часы среди стеллажей

с книгами и свитками, пахшими старой кожей и пылью. Беседовали о легендах и могущественных магах, читали и разглядывали старинные карты. Зенфред знал всё о прошлом Вельмунта, в то время как сам не мог открыть даже своего имени. Он изучил привычки друга и замечал, когда тот раздражён или хочет спросить о чём-то важном, но теперешний Вельмунт не походил на себя прежнего.

Усталость накатила спустя всего пару десятков шагов. Зенфред одёрнул руку и, тяжело дыша, привалился к стене. Он ослаб от переживаний и скудной пищи и чувствовал, как вместо растерянности в нём закипает раздражение.

– Прекрати, – резко сказал он. – Если, по-твоему, это забавно, то ты должен знать, что такими шутками даёшь фору даже Факелу. Как ты узнал о моём происхождении? Неужто рылся в записях магистра, когда тот попросил тебя навести порядок в его личной библиотеке?

– Замолчи! – вспыхнул Вельмунт. – Если бы я так шутил, мог бы я после этого называться твоим другом?

Он дал Зенфреду отдышаться и продолжил вести за собой. Фонарь покачивался в тощей, почти детской руке, плащ был ему велик и волочился по полу, собирая грязь и сырость.

Зенфред вдруг задрожал.

– Скажи, что это глупая шутка! Скажи, что шутишь! – он почти кричал.

Вельмунт обернулся и схватил его за грудки. Ему пришлось встать на цыпочки, чтобы оказаться с Зенфредом лицом к лицу.

– Молчи, – прошипел он, – иначе и себя и меня погубишь!

Зенфреда заполнило отчаяние. Весть о смерти родных из уст единственного человека, которому он мог доверять, показалась неподъёмным грузом. Хотелось упасть и разрыдаться, но рука Вельмунта настойчиво продолжала тянуть вперёд.

Перед лестницей, ведущей к выходу, мальчишка остановился и снял плащ.

– Вот, надень, я взял его у деда для тебя. Накинь капюшон и лучше вообще не снимай на людях, когда окажешься снаружи. В карманах немного денег, на первое время тебе хватит. Я ещё прихватил еды. – Зенфред только сейчас заметил перекинутую через плечо Вельмунта кожаную сумку. – Тут одеяло и одежда, которую мне удалось достать из твоей комнаты. Ещё пара светочных камней, но будь осторожен с костром: его хорошо видно ночью, и дым чувствуется далеко.

Руки Зенфреда стали точно войлочными и не слушались, пока он надевал плащ. Вельмунт говорил что-то о главных воротах, деревьях на заднем дворе, пути по крышам и тайном выходе из Академии, который проделал в стене кто-то из адептов, любивших посещать ночами питейные заведения и бордели в нижнем городе. Зенфред молча поднялся за ним по лестнице, у самой двери вдруг остановился и с ужасом в голосе спросил:

– Что я буду делать там один? Куда я пойду?

– За пределами Академии тебя никто не знает, и Источник твой почти закрыт. В тебе не распознают мага. Сменишь имя и будешь очень осторожен, а потом мы обязательно встретимся. Ты найдёшь меня или я найду тебя. – Вельмунт обернулся, он будто повзрослел на пять лет. – Я мало что могу, так что тебе надо быть сильным, Зенфред. Помнишь «Сказания Алтемор»? Мы будем как Алтемор и Ромс. Ты не должен чувствовать себя одиноким. Я с тобой, просто мы ненадолго разделимся.

Зенфред чуть заметно вздрогнул, впервые за много лет услышав собственное имя. Вельмунт толкнул дверь, и они выбрались наружу. Стояла глубокая ночь, огни спальных корпусов давно погасли. Светились только фонари перед главным зданием, окна библиотеки и трапезной, где поднимали стулья и выметали пол. Дул ветер. В воздухе пахло сырой травой и цветами. Журчала вода в центральном фонтане. По мраморным статуям и скамейкам скользили тени.

Вельмунт шёл уверенно и торопливо. Он то и дело озирался по сторонам. Зенфред плёлся за ним, неуклюжий и потерянный. В ночи двор Академии выглядел совсем не так, как днём. Они обогнули главное здание и стали красться вдоль стены с другой стороны от главных ворот.

– Старайся не шуметь, – шепнул Вельмунт. – Иди за мной след в след.

Зенфред часто оступался, шуршал палой листвой и цеплялся плащом за кусты шиповника, шумный, точно продирающийся через лес медведь, в то время как Вельмунт двигался с лёгкостью и изяществом лани.

– Хорошо было бы забраться по дубу с восточной стороны, но у тебя вряд ли получится, – сказал Вельмунт, когда они добрались до сада и оказались в безопасном отдалении от света центрального здания.

На пути изредка встречались спрятанные за деревьями и клумбами подсвеченные скульптуры, небольшие каскады и ротонды, где адепты в свободные от учебы часы занимались музыкой. В дальней части сада всё выглядело запущенным: кусты разрослись больше положенного, лианы оплетали стену, а древние деревья наверняка существовали ещё до того, как был заложен первый камень Академии. Вельмунт раздвинул сухую поросль у стены и принялся торопливо отгаскивать ветки.

– Ты пока посмотри, нет ли кого рядом, – попросил он.

Зенфред перешёл на внутреннее зрение, и его обдало волной хлестнувших по спине мурашек. Сзади приближались пятеро огненных магов. Их оранжевые Источники светились в темноте, словно языки пламени на невидимых свечах. Зенфред попытался что-то сказать, но не смог выдать и слова, он тряхнул Вельмунта за плечо, тот резко обернулся и вскочил на ноги.

Факел шествовал впереди, освещая дорогу горевшим над ладонью голубым пламенем. За ним следовали ещё четверо. Зенфред стоял с минуту, ошеломлённый и напуганный, потом отшатнулся, со всей силы ударил себя по щекам и рассмеялся, убеждённый, что происходящее – жуткий кошмар, объединивший его главные страхи. В конце этого кошмара он должен был сгореть заживо и проснуться, обливаясь холодным потом.

– Стойте, где стоите, иначе я оставлю от вас одни головешки, – объявил Факел на удивление бесстрастным тоном.

Его спокойствие казалось ровным и глубоким, как дыхание во сне. Оно не было затишьем перед бурей или штилем после шторма. От Факела исходила уверенность абсолютного победителя, чья жертва в любой момент будет раздавлена щелчком пальцев.

Ветер вдруг стал обжигающе холодным, ноги потяжелели и словно примёрзли к земле. Зенфред понял, что не может сдвинуться с места.

– Лучина, сбегай за старшими, а вы, трое, возьмите их в круг, – скомандовал Факел.

Его пальцы напряглись, глаза почернели от перехода на внутреннее зрение.

– Только подумать, н-наша свинка – сыночек первого советника! Недаром ты мне так н-не нравился. Ты и твой папаша в-всем стояли поперёк горла. Я уж п-прослежу, чтобы ты отправился за ним следом. – Факел заикался и говорил медленно, боясь потерять концентрацию.

– А ты всё никак не научишься держать на замке свой поганый рот! – выпалил Вельмунт.

Факел скривился, но магию использовать не стал.

Скоро от главного здания потянулась процессия людей со светочными фонарями, возглавляемая Каснелом. Когда магистр подошёл достаточно близко, глаза адептов вернули прежний оттенок. Зенфред облегчённо вздохнул. Если Факел до сих пор не решился воспользоваться Источником, он уже не станет этого делать. Через минуту беглецы были связаны и стояли на коленях, окружённые старшими магами. Зенфреда наверняка тотчас вернули бы в карцер под усиленную стражу, а Вельмунта привлекли к ответу и выпороли за проступок, но Факел не желал отпускать добычу так просто.

– Магистр, – обратился он к Каснелу, – позвольте мне сказать.

Тот молча кивнул.

– Все мы стали свидетелями преступления, и по законам королевства предатель должен быть казнён на месте. Позвольте мне самому убить его.

Зенфред затрясся как в лихорадке. Он в ужасе поднял голову, и сердце пропустило удар. Бледный палец указывал не на него, а на всхлипывавшего за спиной Вельмунта. Каснел нахмурился, между бровями у него пролегла глубокая складка. Он долго смотрел на Факела. Ещё никто из адептов не осмеливался на подобную дерзость, никто не выдерживал такого взгляда. Любой другой давно отвёл бы глаза и потупился, бормоча извинения, но Факел стоял прямо и смотрел на магистра сверху вниз, как если бы тот был его слугой. Каснел заметно занервничал и перевёл внимание на Вельмунта.

– Мальчик ещё юн, – сказал он, вернув голосу привычное хладнокровие. – Но он знал, на что идёт, и по законам Хэлдвейна приговаривается к смерти.

Зенфред стоял на коленях как громом поражённый. Он очнулся, только когда двое магов подняли его и поволокли в сторону, чтобы освободить место для казни. Вельмунт рыдал и просил пощады. Он снова стал самим собой – двенадцатилетним мальчишкой, которого Зенфред считал младшим братом. Факел торжествовал. Его глаза почернели, как смола угольного дерева.

Через несколько мгновений напряжённой тишины Вельмунт вспыхнул. Голубое пламя вмиг объяло тело от макушки до пяток. Запахло горелой плотью. В первые секунды Вельмунт катался по земле, крича и пытаясь сбить огонь, но магия спалила его мгновенно. Когда Зенфред открыл глаза, на выжженной траве осталась темнеть только горка пепла.

* * *

Последнюю ночь в карцере Академии Зенфред провёл неподвижно, не смыкая глаз. Он вспоминал казнь Вельмунта и представлял, как мучительно медленно умирали от обычного огня облитые смолой отец и мать. В четырёх стенах, заполненных темнотой, некуда было деться от мыслей. Зенфред хотел забыться сном, но не мог спать. Он понимал, что вот-вот сойдёт с ума. Даже созерцание, требовавшее усилий, не отвлекало его. Чтобы усложнить задачу, Зенфред вставал и принимался ходить, натываясь на стены и гремя цепями. Он мог видеть сотни Источников вокруг. Он цитировал старинные трактаты и легенды, но и этого было недостаточно, чтобы занять всё внимание. То, с каким трудом Факел говорил во время концентрации, казалось ему нелепым.

Будь у Зенфреда та же огненная магия, он уничтожил бы любого противника с помощью одной только скорости. Раз или два ему удавалось даже то, о чём не мог мечтать сам магистр. Зенфред сумел разделить зрение, чтобы видеть мир Источников и реальный мир одновременно. Любой адепт отдал бы полжизни за такое умение, но теперь оно оказалось бесполезно. Зенфреду предстоял путь на остров и неделя ожидания перед казнью, которую третья советница Эсанора, по слухам обожавшая кровавые боины, решила сделать всеобщей потехой, выставив Зенфреда одной из жертв для обряда первой крови.

Лучшая дюжина из выпускников Академии, избравших путь боевых магов, по древнему обычаю должна была публично убить своих первых жертв. Это считалось символом готовности служить королевству, знаком крепкой воли и образцом необходимого в битве хладнокровия. По сути, всё это было показушной традицией старых времён и способом продемонстрировать государям соседних королевств мощь военной элиты Хэлдвейна. После долгих лет жестокой учёбы нашлось не больше десятка тех, кто не решился на расправу и отказался от права вступить в королевскую армию. Смертников обыкновенно выбирали из приговорённых к казни клеймённых, поэтому последние лет тридцать обряд проводился на тюремном острове, которым управлял отец.

Речь Каснела Зенфред выслушал с неожиданным спокойствием, но мысль о том, что Факел и все те, кто виновен в смерти родителей, останутся безнаказанными, мучила его. Раз за разом Зенфред представлял ликование толпы на арене. Все будут шутить и рассказывать друг другу, как откормленный советничий сынок перед смертью визжал, точно свинья под ножом. Десять лет унижений, и всё ради позорного конца.

Зенфред пытался спрятаться от собственных мыслей и глубже уходил во внутреннее зрение. По камере начала расползаться гулкая тишина. Свет чужих Источников растворялся в темноте, словно тающее на горячих углях масло. Зенфред переставал ощущать холод стены и твёрдость грубо сколоченной скамьи. Он не чувствовал рук, покоящихся на коленях, не замечал зуда и ломоты в рёбрах. Внешний мир переставал существовать. Только собственный Источник продолжал мерцать, рассеивая вокруг пепельные искры.

Зенфред снял с шеи подаренный матушкой серебряный медальон – знак почитания Создателя и с горечью бросил его в сырой, затянутый паутиной угол камеры. Выход был один – умереть прежде, чем наступит утро. Нити при желании могли разрывать Источник. В совершенстве подобным владели Верховные, годами осваивавшие технику открытия каналов. Они могли делать отверстия для высвобождения магии с предельной точностью так, чтобы не навредить адепту. При неумелом вмешательстве бреши получались слишком большими, энергия постепенно разрушала тело или не успевала восполняться, и тогда Источник рассеивался вместе с душой.

Зенфред отделил крупный светящийся пучок и направил к одному из каналов, чтобы пробить в нём отверстие. Первым был выбран тот, что уже чуть приоткрыли в Академии. Нити врезались в него, вызвав осязаемый толчок, но сосуд остался прежним. Зенфред понял, что зря осторожничает, разделил нити и ударил изо всех сил. Ткань Источника прорвало в нескольких местах.

Рядом не было никого, кто мог бы хоть как-то облегчить открытие, и Зенфред знал, что, повредив разом все каналы, умрёт почти мгновенно. На лбу выступил холодный пот, сердце заколотилось с бешеной силой, однако волна жара быстро стихла, превратившись в терпимую боль. Путь энергии был освобождён, светящиеся искры расходились по всему телу и просачивались наружу, но большую их часть сдерживали нити.

Зенфред не мог понять, почему так вышло. Источник сам закрыл лишние повреждения. Он не приобрёл цветного оттенка, а стал полностью серым. Тусклая паутина потоков оплетала грудь. Зенфред чувствовал сильное давление в висках. Голову распирало, но боль продолжала утихать. Зенфред постарался сосредоточиться и разглядеть проделанные нитями бреши. Магия, какой бы она ни была, не слушалась его. Энергия осталась неподвижной, когда Зенфред попытался открыть ей путь для выхода. Слабое сияние выдавало всплески потоков, накапливавшихся в теле, но Зенфред не испытывал неприятных ощущений и, вопреки всем прочитанным свиткам и книгам, – не умирал.

* * *

К утру во дворе собралось столько народу, что Зенфреду вспомнились празднования в честь дня основания Академии. Казалось, Каснел вот-вот встанет у главной статуи, чтобы вознести речь первым магам. На деле посмотреть вышли, конечно же, на Зенфреда – сына предателя, несостоявшегося беглеца, обжору, мальчика для битья и просто бездарного адепта.

Зенфреда на удивление не беспокоили сотни любопытных глаз и целый кортеж солдат, которым приказано было доставить его на остров. Куда больше раздражали связанные руки, сонливость и голод. Остаток ночи Зенфред просто спал, а, проснувшись, не обнаружил в сознании никаких изменений. Он был всё так же странно спокоен и даже сейчас смотрел на происходящее, как на игру плохих актёров. Невольно в голове возникли строки из ежегодной речи о

первых магах. Той самой, которую адепты заучивали наизусть и повторяли за Каснелом каждый праздник основания.

– Первым был маг огня Гёльн, – пробормотал Зенфред, выискивая среди зевак Факела. – И города горели от его взгляда.

Люди выглядывали из окон, толпились у ворот, некоторые даже забрались на развесистые деревья для лучшего обзора. Всюду мелькали яркие плащи стихийников. Точно пятна крови на цветастой рубахе толпы алели впереди одежды огненных магов.

– Вторым был маг льда Триценн. И моря замерзали от его дыхания.

Зенфред вглядывался в лица адептов холода, но Линэ среди них не было. Наверняка она пряталась где-нибудь в библиотеке, и хотя Зенфреду так и не удалось ни разу с ней заговорить, он был счастлив уже тем, что мог дышать с ней одним воздухом.

– Третьим был маг ветра Оуэн. И от взмаха его ладони леса обращались в щепки.

Зенфред посмотрел на мальчишек чуть младше Вельмунта, одетых в белые робы. Пока их сил хватало только на то, чтобы закручивать маленькие смерчи или бросать в лицо противнику песок, но в скором времени и они смогут ломать если не леса, то отдельные деревья, задерживать в воздухе стрелы, раздувать паруса и разгонять облака.

– Четвёртым был маг камней Хист. И земля дрожала от его удара.

Серых плащей среди адептов было немного, но в ближнем бою их боялись больше всего. Зенфред помнил жуткие иллюстрации с людьми, тела которых напоминали игольницы, проткнутые десятками острых каменных пик.

– Пятым был маг жизни Цей. И смертельные раны заживали от его касания.

Целители, облачённые в зелёные плащи, стояли в стороне ото всех и о чём-то негромко переговаривались, а Зенфред вспоминал, сколько бинтов и мазей извели на него за десять лет.

– Шестым был маг барьеров Коурс. И ни один из магов не мог коснуться волоска на его голове.

У ворот стоял магистр Каснел – ещё не старый мужчина с аккуратно подстриженными бородой и усами. На нём не было ни дорогих тканей, ни драгоценных камней, ни мехов – только подпоясанная ремнём чёрная рубаха и шерстяные штаны, заправленные в высокие сапоги на ремешках. Магистр смотрел на Зенфреда тем же взглядом, каким одарил Вельмунта, прежде чем позволил Факелу его казнить.

– Седьмым был маг без имени. Он не владел ничем, но он был сама власть.

Небо над головой оставалось предательски ясным, а солнце тёплым. Казалось, сам Создатель смеялся над Зенфредом. Ни на земле, ни на небесах никому не было дела до его горя.

* * *

Путь к острову Зенфред помнил смутно из-за опиумной воды. Дурманящий отвар помогал на время забыться, уйти из внешнего мира и плавать где-то в подсознании, покачиваясь на волнах бесформенных мыслей. Большую часть пути было темно и очень сыро. Зенфреда укачивало, к горлу подступала тошнота. Прошло уже немало дней, и всё это время он ничего не ел, но желудок пищи и не просил, только во рту пересохло. Становилось холодно, будто тело медленно опускалось в ледяную воду. На самом деле холодно было уже давно, просто Зенфред не чувствовал озноба.

Судя по тряске, он находился не на корабле, а в какой-то повозке, закрытой непроницаемой тканью. Зенфред пытался высвободить затёкшие руки, пробовал двигать ногами – нужно было занять себя делом, чтобы не думать. Он ещё толком не соображал, когда в сознании всплыло лицо Факела. Разум, до того походивший на мутный сосуд, мгновенно прочистился. Образ убийцы Вельмунта попал внутрь огоньком, разразившимся в бешеное пламя и за мгновение пожравшим дурманящую безмятежность.

Зенфред судорожно вздохнул. Он удивлялся, как подмешанный в воду опий мог заставить забыть гнев и ярость, от которых не так давно вывернуло наизнанку весь его внутренний мир. Но вместе с ненавистью вернулся и страх. Зенфред съёжился, вслушиваясь в собственное дыхание – резкое отрывистое, шумное.

Когда лошади остановились, и снаружи подняли чёрную ткань, глаза заболели от вечернего света. Впереди возвышалась щетинистая громада храма, к которой вела колоннада зелёного мрамора. Капли дождя барабанили по листьям плюща, скатывались по желобкам и собирались в пастях венчавших капители змей. Гроза заканчивалась, а закатное солнце окаймляло края фиолетовых туч розовыми лучами. Прохладный ветер пах свободой и морозным холодом земель за пределами Храма. Он гонял лепестки цветов между колоннами просторной террасы, пронизывал казавшиеся невесомыми и беззащитными башенки, заставляя сферы в них стлкиваться с мелодичным звоном.

Карцеры находились на верхнем этаже, в полутёмном коридоре с единственным окном. Почти все камеры уже были заняты, и Зенфред мог разглядеть сидевших за решётками юношей примерно одного с ним возраста.

В холодной темноте снова стало не по себе и захотелось спрятаться во внутреннем зрении. Тишина убаюкивала, страх утихал. Зенфред глубоко вдохнул, но не услышал вдоха и того, как воздух с шумом покидает лёгкие. Разорванные каналы продолжали терять энергию. Зенфред жалел, что искусство Верховных оказалось для него таким же далёким, как и понимание собственной магии. С большим трудом он вынул одну из нитей и приказал ей выжечь искру – самое простое, что можно было попытаться сделать. В Академии Зенфред уделял огненной стихии больше времени, нежели другим. Он прилежно изучал истоки и применение пламени, надеясь обезопасить себя от шуток Факела, но всё равно часто оказывался застигнут врасплох.

Омут спокойствия зарябил. Воспоминания выпустили коготок и прочертили в сознании болезненную червоточину. Зенфред тут же постарался отгородиться от них и вернулся к свободной нити. Её вполне хватало на то, чтобы нагреть воздух или заморозить воду в кружке, но нить только колебалась, как волос под дуновением ветра.

Зенфред пробовал одну заученную практику за другой, но ни один из знаков, ни один из самых простых узлов магического плетения не складывался, точно он пытался связать кружево из воздушного потока. Вытянувшись и истончившись до предела, нить могла достигнуть конца коридора, а затем обрывалась. Дальность Источника оказалась куда меньше, чем у погодников или любого из боевых магов. Ей уступала только целительская.

Зенфред не помнил, сколько времени провёл, увлечённый загадкой. Из забвения его вырвал звон цепей и голоса. Один из солдат открывал дверь камеры, чтобы впихнуть в неё очередного пленника. Зенфред вернул обычное зрение и принялся разглядывать товарища по несчастью. Им оказался высокий, худощавый, но очень жилистый юноша. Чёрные волосы скрывали лицо, пока он смотрел под ноги, и Зенфред не мог рассмотреть так интересовавшее его выражение. Он, сам того не понимая, хотел увидеть отчаяние человека, оказавшегося с ним по одну сторону решётки.

Когда дверь захлопнулась, новоприбывший поднял голову и уставился на сокамерника, словно чувствовал его взгляд. Зенфред ожидал чего угодно – от гневной ухмылки до безумия, но обнаружил только застывшую в глазах отрешённость. Маска безразличия прилегалась к лицу пленника так плотно, что, казалось, срослась с кожей. Было трудно представить хоть один дрогнувший мускул, хмуро сдвинутые брови или уголки губ, изогнутые в улыбке. Юноша безмолвной тенью направился к стене, выдавая движение только звяканьем кандалов, и сел, облокотившись спиной о холодные камни.

Зенфред понадеялся, что сможет завязать беседу, но не чувствовал со стороны сокамерника ни одобрения, ни отторжения, и потому не мог решиться на разговор. Между ними повисла тишина, полная напряжённого ожидания и прорезаемая редкими косыми взглядами.

– Как тебя зовут? – наконец спросил Зенфред.

Собственный голос показался ему надломленным и хриплым. Юноша проигнорировал его, как если бы был глухим, и продолжал сидеть, уставившись в одну точку.

Зенфред разочарованно вздохнул и вернулся к изучению Источников. Магов он увидел почти сразу. Среди них наверняка было множество адептов, приплывших на том же корабле, где под конвоем в плесневелом трюме везли последнего из Райелдов. До того он старался не касаться цветных сосудов, боясь потревожить корочку на затянувшейся ране. Любые воспоминания об Академии могли распалить злость и вернуть мысли о мести. Перед собственной казнью об этом не стоило даже мечтать.

Зенфред невольно задумался, возможно ли без подготовки и обучения порвать каналы внутри другого человека. Окажись он на арене жертвой Факела, смог бы сделать хоть что-нибудь, прежде чем белокрысый вызовет пламя? Возникшая в ночь после гибели Вельмунта мысль окончательно укоренилась в сознании. Зенфред с горечью понял, что хождение по головам и убийства себе во благо – необходимое зло, позволяющее низам пробираться наверх, а верхам не опускаться на дно.

Крупный пучок нитей выскользнул из Источника и потянулся в сторону сокамерника. Если чудо существовало, и можно было убить Факела, разорвав его магией, для начала стоило потренироваться.

Глава 6

Летфен жевал соломинку, глядя на разошедшиеся балки под потолком. Время перевалило за полночь, и Ферон храпел, уткнув лицо в бороду. Шум стоял такой, что в полудрёме Летфену привиделся расвирепевший гронул. Спать решительно расхотелось, а до рассвета было ещё далеко. Серый кот, свернувшийся в ногах тёплым калачиком, зевнул и принялся переминать одеяло мягкими лапами. Летфену становилось не по себе от мыслей о предстоящей охоте, он долго ворочался и в конце концов разбудил хозяина.

– Что ты там возишься как жук навозный? – прохрипел торговец и закашлялся, прочищая горло.

– Да как тут спать? – жалобно протянул Летфен. – От твоего храпа пол ходуном ходит, и стены трясутся.

– Иди под забором дремли, если тут не нравится.

Ферон бросил в камин полено и снова уселся в старое скрипучее кресло. На стенах заплясали тени. Пламя охотно поедало дерево, и жар становился ощутимей. Комнату заполнил аромат смолы, смешанный с крепким запахом табака.

– Замерз, рыжий? – Ферон потянулся за трубкой.

– Замерз, – кивнул Летфен, подходя к огню. – Холодища у тебя тут, а ещё тоска смертная. Чем же ты занимаешься, когда один? В питейной я тебя ни разу не видел, и на торг редко заглядываешь.

– А ты всё вынюхивать вздумал? – рыкнул торговец. – Авердо надоумил?

– Нужен ты мне! Не хочешь, не рассказывай, но вот я бы тут один давно от скуки помер.

– А я и не один, у меня, вон, Серый есть, – Ферон кивнул на кота, пришедшего вслед за Летфеном и устроившегося у него на коленях. – Только не пойму, чего он всё к тебе ластится.

– Ко мне любая животинка ластится, – отмахнулся Летфен. – Лучше бы девки так ластись, честное слово.

Ферон хрипло рассмеялся.

– Не дорос ты ещё, до девок-то.

– Много ты понимаешь!

Торговец поднялся. Зажимая трубку в зубах, подошёл к стоявшему в полутьме у дальней стены сундуку, достал коробку и бутылку синего стекла, отливавшую чернотой.

– На вот. – Он разлил настойку по бокалам и протянул один Летфену. – Погрейся. В араман играть умеешь?

– На что играем? – Летфен отхлебнул угощение и подвинулся к столику на гнутых ножках, где уже стояла распахнутая коробка, полная разноцветных камней и нитей, связанных в узелки.

– На щелбаны, – сообщил Ферон, утирая бороду. – Денег у тебя всё равно ни гроша.

– Так у меня ж от одного твоего щелбана голова отлетит, Ферон! Ты глянь на свои кулачищи-то!

– А ты не проигрывай, – хмыкнул торговец, высыпая на стол первую порцию камней.

Не проигрывать, однако, не получилось. Ферон играл знатно и, должно быть, частенько разыгрывал партии сам с собой. Бой продолжался до самого утра, и в ушах Летфена звенело от щедрого града щелбанов. Торговец проиграл всего раз, но и у него на лбу красовалась оставленная Летфеном победная отметина.

Незадолго до восхода солнца утомившийся и разморённый выпивкой Ферон заснул, откинувшись в кресле. Летфен посидел ещё немного у остывающего камина и вышел на улицу, плотно прикрыв за собой дверь.

Громады туч, подгоняемые северным ветром, медленно плыли, то пропадая, то вновь появляясь в прогалинах между крышами домов. На улицах не было ни души, и через щели затворённых ставней не пробивался свет. Летфен спрятал руки в карманы, глубоко вздохнул, выпуская облачка пара. Эдос, всё ещё накрытый колпаком тишины, оставался безмолвен, но через несколько мгновений вдалеке послышались торопливые шаги. Летфен вжался в стену, боясь с утра пораньше попасть под горячую руку или холодный нож.

Из-за угла появился закутанный в плащ силуэт. По походке и расшитой узорами сумке Летфен решил, что это девушка, и оказался прав. Порыв холодного ветра сорвал капюшон, и прежде чем путница накинула его, Летфен успел разглядеть в ней дочку Синля. Он замер, не издавая ни звука, и нахмурился, проводив её взглядом.

– Как бы не сбежать решила перед обрядом, – пробормотал он. – Плохо, если так. Останусь без работы.

Он немного помедлил и, выйдя из тени Феронова дома, направился вслед за Эной. Петлявшие между хибарами улицы, узловатые и извилистые, как древесные корни, тонули в тумане. Эна озиралась по сторонам и изредка оглядывалась, но Летфен шёл достаточно далеко, прячась в сизой предрассветной мгле, и на всякий случай успевал нырнуть за угол или схорониться под козырьком чьей-нибудь халупы.

Окраины города переходили в рудник. Терпкий запах пробудил неприятные воспоминания, и Летфен с трудом подавил желание вернуться. Зброшенный прииск утопал в горах грязно-серой светочной крошки. Под натиском затяжных дождей она отсырела и стала непригодна для топки. Впереди возвышались наросты светочной породы, под них вели воронки и лазы. Череда вкопанных в землю столбов, куда прежде крепились светочные камни, тянулась к видневшимся вдали постройкам. Повсюду встречались колодцы с мутной водой и плававшими на поверхности желтоватыми хлопьями.

Эна перебралась через большой валун и торопливо зашагала к скалам, где виднелась пещера, вход в которую был почти целиком завален камнями.

– Или бесстрашная, или безмозглая, – проворчал Летфен, осторожно поднимаясь следом.

Внутри было сыро и пахло чем-то кислым. Звук шагов отдавался тройным эхом, и хотя Летфен старался идти тихо, его всё же было слышно. Отчего-то вспомнился Мертвяков сын, всегда ступавший бесшумно, как паук.

Тусклый свет поверхности растаял в темноте. Эна завернула за угол и достала светочный фонарь. Коридоры сменялись закутками и тесными проходами. Лаз расширился, и скоро можно было идти по нему, не опуская головы. Своды становились выше, откуда-то слышался звук падающих капель. Девчонка шла так быстро, что Летфен боялся потерять её из виду и заблудиться. Он перестал осторожничать, и Эна скоро услышала преследователя. Поняв, что его обнаружили, Летфен прижался к стене и завыл нарочито низким хриплым голосом:

– Кто-о-о посмел войти в мои владения?

Девчонка принялась судорожно озираться по сторонам, выставив перед собой фонарь, видно было, как трясётся её рука. Летфен хохотнул.

– Я всё гадал, ты бесстрашная или безмозглая? – сказал он, выходя на свет. – Боишься вроде, значит, безмозглая. Ты чего тут ходишь одна в потёмках?

Эна несколько мгновений испуганно смотрела на него.

– Это ты что тут делаешь? – спросила она, совладав с дрожью в голосе.

– За тобой следил, чтобы не сбежала. А то Синль нам потом не заплатит, а я своей шкурой просто так рисковать не хочу.

– Уходи, я никуда не сбегаю, – раздражённо бросила Эна.

– Прямо взял и ушёл! – Летфен сунул руки в карманы и приблизился к ней вплотную. – Что у тебя тут? Тайный ход из города?

– Не твоё дело, уходи.

– Да ну? – выдохнул Летфен. – Неужто с милым повидаться пришла? Давай, ты мне монетку, а я унесу твою тайну в могилу. А до могилы мне уже скоро, поверь на слово.

– Не выдумывай лишнего! Это моё святилище, а тебе тут делать нечего.

– Святилище? Ты тут жертвенным кроликам головы отрезаешь?

Эна побагровела от злости, резко развернулась и зашагала вглубь коридора.

– Я хотела помолиться, чтобы вы поймали гронула и всё вышло благополучно, но за тебя просить не стану.

– Ну теперь я точно помру, монетку дашь?

Лаз вёл в огромную подземную пещеру, на дне которой блестело озеро. В него, срываясь с кристаллических наростов, облепивших потолок, одна за другой падали звонкие капли. Свет фонаря выхватил из темноты часть громады древнего храма, вырубленного в толще скалы. Он походил на муравейник с множеством ходов. Всюду виднелись витиеватые рельефы и изображения диковинных животных. Колонны венчали скульптуры божеств и духов. Фасад рябил, будто был сделан из бесформенных кусков, наклепанных на основу, и в темноте выглядел пугающе.

Эна не без труда спустилась к озеру и пошла вдоль него к храму. Здесь было ещё холоднее, и Летфен трижды проклял себя, что не вернулся обратно в город. У входа в святилище стояли большие чаши на прямоугольных постаментах. Летфен мельком заглянул внутрь и увидел тёмные разводы на стенках.

– Надеюсь, в них не наливали кровь жертвенных младенцев, – пробормотал он. – Эна, ты свой страх в колодце утопила? Какая нормальная девчонка пойдёт в такое место одна?

По бокам от центрального портала стояли иссиня-чёрные статуи божеств, за ним царил непроглядный мрак.

Эна молча вошла внутрь. По каменному полу ползли длинные тени, и казалось, кто-то метался между колоннами, прячась от света. Впереди возвышался алтарь с чашей белого мрамора. Эна подошла к нему и принялась выкладывать на обрядовый стол содержимое котомки: несколько пучков растений, лоскуты красной ткани, шило и кремний.

– Отойди подальше, – потребовала она. – Я сейчас зажгу ядовитую траву, чтобы отогнать злых духов.

– Да мне-то что, – пожал плечами Летфен. – Я ж бессмертный.

Эна растёрла между ладонями желтоватые соцветия и торопливо высекла искру. Сухие стебли вспыхнули, Летфен поморщился, вдыхая терпкий запах.

– Вонь знатная, – сообщил он, шмыгая носом.

Эна толкнула его к выходу.

– Не стой тут, – сердито сказала она. – Дым ядовитый, если много вдохнёшь, можешь не проснуться.

– Что за траву ты подожгла?

– Нердяник.

– А, ну это совсем не смертельно. Вот если бы пучок чёрного жгара спалила, мы бы уже кровью плевались.

Подождав некоторое время в отдалении, Эна вернулась к столу, перевязала красной лентой оставшиеся веточки и положила на дно чаши, из которой прежде вытряхнула пепел. Блеснула россыпь искорок, и над пучком поднялась струйка дыма. Эна осторожно подула, разжигая огонь. По стенкам чаши, заполненной тёплым оранжевым светом, заплясали тени. Пока язычница завершала обряд, жертвуя богам несколько капель крови из уколотого шилом пальца, Летфен стоял в стороне и насвистывал песенку о рыбаке в лодке с дырявыми вёслами.

– Чужаку нельзя приходить в наше святилище, – сказала Эна, подняв на него глаза. – Тебя накажут за это.

– Почему оно ваше? Сами строили? – поинтересовался Летфен, уперев руки в бока и оглядывая подножие лестницы, ведущей в башню.

– Этот храм стоял здесь ещё до того, как сюда пришли добывать светочи, и до того, как на остров приплыли единопложники с материка. Ему много сотен лет, а ты осквернил его своим присутствием.

– Ну, я готов к наказанию. – Летфен картинно расставил руки и запрокинул голову. – Когда меня пожрёт праведное пламя?

Стараясь не обращать на него внимания, Эна сложила всё, что оставалось на столе, обратно в котомку и направилась к входному порталу. Башмаки шлёпали по воде, с потолка то тут, то там свисали гроздь летучих мышей. Летфен с немалым облегчением спешил за ней к выходу. Здесь, в лабиринте скальных проходов, Эна совсем не походила на пугливую пташку, какой казалась в доме Синля.

– Ты мне Мертвякова сына напоминаешь, – сообщил Летфен. – Тоже ходит по подземельям, как привидение, и почти не разговаривает.

– А ты мне пиявку. Маленький, противный и никак не отлипнешь.

– Пиявка? – Летфен хохотнул, и эхо повторило его смех. – Мне нравится! Вот у табачника Ферона фантазия никуда не годится. Он все клички делит по цветам.

Запутанные коридоры наконец вывели к первоначальному лазу. Едва впереди забрезжил дневной свет, Эна резко развернулась, и Летфен почувствовал приставленное к горлу шило.

– Никто не должен знать, где ты был и что видел.

По вискам скатилось несколько капель пота. Летфен отступил на шаг.

– Никому не скажу, – пообещал он, разводя руками. – И монетку, так и быть, себе оставь.

Эна жестом показала, чтобы он шёл первым, и Летфен, крихтя, полез в расщелину между камней. Воздух, наполненный терпкой горечью светочной крошки, заставил его поморщиться и раздражённо сплюнуть. Эна выбралась следом, быстрая как ящерица, и, не говоря ни слова, направилась в сторону города.

Летфен посмотрел на небо. Тусклый диск солнца поднялся над горизонтом на три пальца вытянутой руки. Стоило поторопиться к дому Авердо, назначившему сбор в это самое время. Летфен опустил ладонь и невольно обратил внимание на темневшие вдали грязно-серые силуэты общих могил. Когда-то он и сам копал такие же, а после заполнял землёй и негодной для топки светочной крошкой. Должно быть, тело Йозефа давно уже покоилось где-нибудь на Северном руднике под сыпучим пологом. Раз за разом вонзая лопату в грунт, Летфен не мог отделаться от мысли, что в какой-то из могил лежит его брат.

Ребёнком Летфен наивно верил, что светочные камни – хрустальные домики, внутри которых живут светлячки. Оказавшись на руднике, он долго смеялся над собственной глупостью. Дни напролёт проходили в узких лазах с низкими потолками. Наросты долбили изнутри, где минерал был мягче, и добраться до основных залежей выходило быстрее. Сотни вёдер, наполненных светочной крошкой, по цепочке передавали наверх. Потом от стенок откалывали по кусочку породы и складывали в хранилища. Когда сырьё набиралось достаточно, всюду разжигали костры, на которые ставили огромные котлы и доверху заполняли рудой, промытой и вымоченной в особом отваре. Она плавилась и от жара начинала светиться, а через время застывала, становясь пригодной для огранки.

Солнце продолжало подниматься. С трудом оторвав взгляд от горизонта, Летфен побрёл вниз по склону. Когда он добрался до места сбора, Авердо и ещё четверо мужчин, вооружённых мечами, верёвками и прочим инструментом, уже стояли напротив крыльца.

– Пошевеливайся, ядоглот! – проревел главарь, издав завидев Летфена. – Гронул трижды выпустит из тебя кишки, если будешь так плестись!

– Так я силы экономлю! – выкрикнул в ответ Летфен, но шаг всё же ускорил.

Скоро душный Эдос остался позади. Запахло хвоей. Высокие сосны, окружавшие скалы плотной стеной, перемежались с колючими кустарниками. Всюду прели заросшие голубоватым мхом деревья. Некоторые уже превратились в труху и крошились под ногами, а рядом, укрыв корни листвой, спали молодые побеги. По лесу бесшумно расходилось дыхание зимы. Белела окаймлённая инеем трава. Бледное небо готовилось стряхнуть с облачного стола первые крохи снега.

Охотники, ведомые главарём, продолжали углубляться в лес. Через некоторое время просветов между деревьями стало меньше, и кругом воцарился тревожный полумрак. Сердце Летфена забилось чаще. В воздухе появился сладкий запах гниения и грибов. Авердо подошёл к высокой сосне и указал на слизь, облепившую основание дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.